

IV.

**ВЫХОДЪ КЪ СВОБОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ (ТЕЗЕИДА И НИМФЫ
ФЬЕЗОЛЕ).**

I.

Въ сравненіи съ Амето и Любовныи Видѣніемъ, Тезеида и Ninfale Fiesolano отличаются болѣшимъ спокойствиемъ: автобіографическій моментъ не такъ тревоженъ, болѣзнь идеализація не ищетъ болѣе дантовской терцины, она принесена въ жертву октавѣ Филострато, и прирожденная Lust zum Fabuliren идетъ на встрѣчу античнымъ мотивамъ. И Амето и Любовное Видѣніе полны классическихъ воспоминаній, но тамъ онѣ служебны, теперь они даютъ дѣйствіе и мѣтятъ на колоритъ. Боккаччо какъ бы находить въ нихъ освобожденіе отъ страстности; Амето онъ писалъ какъ влюбленный, не какъ поэтъ¹), теперь отношенія измѣнились: Ninfale Fiesolano такая-же пастораль, какъ Амето, но она сбросила ковы аллегоріи; Тезеида новая попытка въ области классического эпоса, послѣ неудачи Филоколо. При отсутствіи другихъ хронологическихъ данныхъ, художественный и психологический критерій является рѣшающимъ: Тезеида и Ninfale Fiesolano написаны позже аллегорическихъ поэмъ, во Флоренціи, вѣроятно, въ половинѣ 40-хъ годовъ.

Тезеида—первая въ новыхъ литературахъ поэма, написанная по типу классическихъ. Боккаччо сознавалъ это новшество и ставилъ его въ заслугу себѣ: съ тѣхъ поръ, какъ «обнаженные» (т. е. народныя) музы объявились среди смертныхъ, говорить онъ въ послѣдней пѣснѣ²), очевидно повторяя дѣление Данте³), были

1) См. выше стр. 266.

2) XII, 84—86.

3) De Vulg. Eloquentia, II, с. 2.

люди, писавшие въ прекрасномъ стилѣ о вещахъ серьезныхъ¹⁾), другіе пѣли про любовь, ты-же, о моя книга, впервые воспѣла о трудныхъ дѣлахъ Марса, о которыхъ никто еще не читалъ на народномъ итальянскомъ языкѣ²⁾). А такъ какъ ты впервые пускаешься по волнамъ, по которымъ до тебя никто еще не плавалъ, быть можетъ, и тебѣ, хотя и низменной, достанется, въ числѣ другихъ, нѣкій почетъ; а ты, явясь въ ихъ среду, почти, какъ старшихъ, своихъ предшественниковъ, научая тѣхъ, кого опередила³⁾. Авторъ ждетъ себѣ награды и лавроваго вѣнка⁴⁾, очевидно, не за вымыселъ поэмы, о которомъ не упоминаетъ ни одинъ латинскій писатель⁵⁾, а за починъ эпического пѣснопѣнія въ классическомъ стилѣ.

Что до замысла и эпическихъ пріемовъ, Тезеида стоитъ на точкѣ зреінія Филоколо. Боккаччо наивно заявляетъ, что будетъ пѣть о дѣлахъ Марса, тогда какъ въ основѣ лежать новелла о двухъ друзьяхъ, влюбленныхъ въ одну и ту-же женщину, и все дѣло вертится на конфліктѣ между чувствомъ дружбы и любовью. Къ подобному сюжету Боккаччо вернется въ одной изъ новелль Декамерона⁶⁾; пока онъ поставилъ его въ центръ эпического дѣйствія, материаілы которого заимствованы изъ Оиванды Стаци і какой-нибудь версіи *Roman de Thèbes*, отдельныя подробности изъ Виргилія и Овидія—и *Roman de la Rose*⁷⁾, тогда какъ стиль по прежнему полонъ дантовскихъ воспоминаній. Выѣшній колоритъ классическихъ источниковъ перенесенъ и на новеллу,

1) *Con bello stile in onesto parlare.*

2) *Volgar lazio;* съ. *De vulg. eloquentia: Arma vero nullum Italum adhuc inventio poetasse.*

3) *Materia dando a cui dietro hai lasciato;* съ. *Theb. XII, 810*, гдѣ Стаци упоминаетъ Виргилія.

4) Съ. въ концѣ поэмы сонетъ къ музамъ.

5) I, 2.

6) X, 8. Въ основѣ новеллы лежить какая-нибудь версія романа объ *Athis et Prophilias*. Съ. Crescini, *Contributo*, стр. 287, прим. *.

7) Объ источникахъ Тезеиды, особенно о заимствованіяхъ у Стаци, съ. Crescini, I. c. стр. 220 слѣд. Наши случайныя указанія имѣютъ ввиду его обстоятельный разборъ.

составляющую главное содержание поэмы: имена ся героевъ, Арчиты и Палемона, по всей вѣроятности также подслушаны у Стасія, гдѣ Палемонъ — имя витязя ¹⁾, Athys — женихъ Исмены, преобразившійся у Боккачью въ Арчиту, можетъ быть, подъ вліяніемъ Горациева Archytas. Чтобы поднять новеллу на высоту эпического дѣйствія Боккачью прибѣгаеть къ тѣмъ-же средствамъ, какъ и въ Филоколо: его влюбленные герои, потомки Кадма, готовы объяснить свои несчастія гнѣвомъ Юноны, тяготѣющемъ надъ ихъ родомъ, герояня свои сердечныя неудачи — карой Діаны за то, что она рѣшилась отречься отъ дѣвственности амазонки. Болѣе того: всѣ герои греческой древности выступаютъ на сцену и боятся на турнирѣ, чтобы решить вопросъ, кому изъ двухъ соперниковъ будетъ принадлежать прекрасная Емилія, и когда одинъ изъ нихъ, Арчита, скончался, о немъ говорится, что ни одинъ доблестный мужъ въ Греціи не былъ оплаканъ такъ, какъ онъ ²⁾). Такой сюжетъ дѣйствительно не могъ воспѣть ни одинъ «латинскій авторъ». Какъ въ Филоколо, такъ и въ Тезеидѣ, классические и средневѣковые моменты сплелись въ какое-то фантастическое представление жизни, напоминающее не столько средневѣковые романы о Троѣ и Александрѣ Великомъ, сколько старо-итальянскихъ мастеровъ: въ пестрой смѣси предпочтеніе явно отдано классическому моменту, но самая смѣсь ровнѣе, устроеннѣе, чѣмъ въ Филоколо, и мы склонны признать за ней нѣкоторую прозрачную жизненность. Описаніе классическихъ обрядовъ, требъ и игръ чередуется съ представлениемъ христіанского ада ³⁾ и средневѣковой дуэлью; греческихъ героевъ посвящаютъ въ рыцари, гремятъ трубы, накры и барабаны ⁴⁾), турниръ происходитъ въ амфитеатрѣ, вооруженіе смѣшанное изъ старого и нового, менестрели и буффоны потѣшаютъ гостей и

1) Thebaid. VIII, 185.

2) XII, 14.

3) Eterna fornace X, 106.

4) II, 54.

награждены подарками¹⁾; самъ Тезей носить хорошо знакомый Боккаччо, и не только по *Roman de Thèbes*, титул герцога Аенинского — и влюбленъ. Боги вмѣщаются въ людскія дѣла, но не такъ назойливо и часто, какъ въ *Filocolo*, и, по самому свойству сюжета, неѣтъ классической травестіи христіанства; лишь порой въ размышеніяхъ о будущей жизни слышны неясные христіанские мотивы.

Написать поэму въ двѣнадцать пѣсень на сюжетъ новеллы о конфликѣ любви и дружбы Боккаччо удалось лишь при помощи общихъ мѣстъ эпики: описаній, портретовъ, рѣчей и сравненій²⁾; двѣ первыя иѣсни еще стоять въ дѣйствія поэмы, являясь какъ-бы историческимъ введеніемъ. При царѣ аенинскомъ Егѣѣ жилъ въ Скиеї жестокій народъ амазонокъ, съ царицей Ипполитой. Подобно внучкамъ (*nipoti*) Бела онъ перебили у себя всѣхъ мужчинъ и умерщвляли всѣхъ, кого заносило къ нимъ случайно. Тезей, до которого дошли на то жалобы, решается положить конецъ неуправству. Въ то время кровавый Марсъ возвращался изъ лѣса, куда водилъ, въ недобрый часъ, сонмы свирѣпаго еванскаго царя; Тезей чувствуетъ его горячее присутствіе, когда онъ направлялся на колесница въ свои палаты на Рифейскихъ горахъ, всюду воспламеняя небо и напередъ зная, что должно случиться.—Огненный, красный Марсъ типиченъ для Боккаччо³⁾.—Собравъ своихъ бароновъ, Тезей объявляетъ имъ

1) VII, 99; XII, 80.

2) I, 88: кабанъ (сл. VII, 119 слѣд.; Inf. XIII, v. 112 и Stat. Theb. XI, 590 слѣд.); 42: левъ привидѣ добычи; 67: моряки, бросающіеся вплыв съ гибнущаго корабля; 74: волкъ, кидающійся на овецъ; III, 27: вѣтры, вырывающіеся изъ пещерь Эола; 33: укушеніе змѣй; V, 99: поблекшая роза, обновляющаяся на зарѣ или подъ вѣяніемъ зефира (сл. IX, 28; Inf. II, 127 слѣд.; Filostrato II, 80); VII, 106—7: страхъ охотника въ ожиданіи льва; 115: левъ среди безрогаго стада; 129: человѣкъ, внезапно пробужденный шумомъ; 844: облако, надвинувшееся на солнце; VIII, 8: лучъ, отраженный отъ воды или стекла; 26: львица въ поискахъ за своими львятами; 49: левъ, не насытившійся добычей; 63: борьба между змѣемъ и орломъ, защищающимъ своихъ птенцовъ, сл. 121; XI, 44: срѣзанныя розы.

3) Сл. *Filocolo*, выше, стр. 255; *Fiammetta*, стр. 28.

походъ; Ипполита признала о немъ, ободряетъ своихъ въ пространной рѣчи: пусть покажутъ свою мужественность, онъ, объявившія войну Амуру¹⁾). Пока она снаряжается къ защитѣ, греческій флотъ минуетъ Макронъ, Авдросъ, Тенедосъ, Византію и вошелъ въ море Танаиса²⁾). Мирныя предложения Тезея отвергнуты амазонками, которые стараются помѣшать высадкѣ враговъ, при чемъ пущены въ дѣло и (греческій) огонь³⁾; крикъ стояль такой, что подобнаго не слыхалъ ни Нептунъ, ни Главкъ⁴⁾). Тезей вѣнѣ себя отъ гибѣ: корить Марса и Минерву, имъ не дождаться отъ него жертвъ, бранить своихъ за трусость, что побѣжали передъ женщинами⁵⁾; пусть вернутся вспять и выберутъ себѣ новаго вождя. Велѣвъ притянуть свое судно, онъ одинъ спрыгнулъ въ воду и добрался до берега, за нимъ пошли и другие; началась битва, часть грековъ сражается на коняхъ,бросившихъ своихъ наездницъ; Амазонки принуждены отступить въ крѣпость, которую греки осаждаютъ. Нѣсколько мѣсяцевъ стоять они подъ нею, среди постоянныхъ вылазокъ и битвъ, когда однажды, объѣзжая стѣны, Тезей надумался, что крѣпость можно взять, подкопавъ ея стѣны. Какъ услышала о томъ Ипполита, вѣгла заложить внутри города другой, болѣе узкій кругъ стѣнъ, а сама пишетъ къ Тезею письмо, которое онъ велитъ прочесть въ присутствіи своихъ бароновъ. Она укоряетъ его за неожиданное, невызванное нападеніе; я не Медея, не готовилась отравить тебя, напротивъ, я всегда была поклонницей твоей доблести, желала видѣть тебя. Ты разубѣдилъ меня, и я не столько печалюсь за мою жизнь, сколько за твое достоинство. Вѣдумавъ воевать съ женщинами, ты поступилъ не по рыцарски, говоритъ она, какъ амазонки въ посланіи къ Александру Македонскому; не

1) I, 24.

2) Tanas, I, 41.

3) I, 52.

4) I, 55.

5) I, 61: Ah vituperio della gente achiva. Сл. Inferno XXXIII, 79: Abi Pisa, vituperio delle genti.

рыцарское также дѣло воевать подъ землею. Ради твоей чести оставь нась въ покой, не то я заставлю тебя уйти отсюда насильно и съ урономъ¹⁾. — Выслушавъ содержаніе письма, Тезей улыбнулся: Счастливъ-же я, что уберегъ свою жизнь благодаря этой женщинѣ, поучающей меня, какъ мнѣ соблюсти въ людяхъ мою честь! — Въ отвѣтномъ посланіи онъ говоритъ, что обязанъ мстить за зло, учиненное его людямъ, и совѣтуетъ покориться; посланницамъ Ипполиты онъ показываетъ свои силы, подкопанныя стѣны; ему было бы жаль, еслибы ему пришлось свирѣпствовать противъ враговъ. — Собравъ своихъ, Ипполита сообщаетъ имъ рѣшеніе Тезея; праведно гнѣвается на насть Венера, съ нею и Марсъ; по моему мнѣнію, лучше всего подчиниться мужу, столь храброму и славному, милостивому и ласковому со всѣми, кто смирится передъ нимъ; отъ этого наша честь не пострадаетъ: всѣ-же считаютъ насть женщинами, а онъ — герцогъ Аенъ. — Въ толпѣ послышались противорѣчивые голоса, но никто не рѣшается выступить открыто, а Ипполита снова шлетъ къ Тезею своихъ посланницъ: пусть не являются назадъ безъ мира. Условія таковы, что Тезей женится на Ипполите и станетъ править ея царствомъ по ея законамъ. Греки вошли въ городъ мирно, никому не нанеся ущерба; красавица Ипполита выгѣхала на встрѣчу Тезею, съ нею ея младшая сестра Емилія; Амуръ былъ тутъ какъ тутъ и многихъ ранилъ въ сердце; самъ Тезей смотрѣть на Ипполиту и говоритъ: она прелестнѣ Елены, которую я когда-то похитилъ; и его поразила стрѣла Амура, и ему пріятны невзгоды, понесенные изъ-за красавицы. Амазонки преобразились: сломали заржавленное оружіе, стали по прежнему красивыми, милыми, свѣжими и привлекательными; злосчастные клики смѣнились шумными рѣчами и пѣснями, бранная поступь мелкими шажками. Вернулся и стыдъ, который онъ отложили въ ту ночь, когда перебили своихъ мужей; онъ принарядились, и вновь былъ открыть забытый храмъ Венеры, гдѣ брачуется съ Ипполитой

1) I, 99—107.

Тезей. Тогда же совершились и другие браки амазонокъ съ греческими витязями, а Емилю Тезей прочить за своего пріятеля Ахата.

До сихъ поръ Боккачъ стоитъ на почвѣ своихъ классическихъ чтеній и воспоминаній: Стаций и *Roman de Thèbes* и легенда о женщинахъ Лемноса, рассказы объ амазонкахъ, объ ихъ войнѣ съ Тезеемъ и его любви къ Антиопѣ — вотъ его источники; въ одномъ изъ нихъ, очевидно, позднемъ, онъ нашелъ и анахронизмъ: старый Егей еще живъ, тогда какъ древній миѳ изображалъ его уже умершимъ.

Два года наслаждается Тезей съ своей Ипполитой, забывъ обо всемъ остальномъ. Однажды весною, когда небо украшаетъ долины и горы травою и цветами, птицы поютъ на вѣткахъ про любовь, а девушки сильнѣе ощущаютъ пламя Венеры, Тезей былъ въ саду, предаваясь любовнымъ мечтамъ, когда ему показалось, что ему представъ его другъ Перитой и гнѣвно говорить ему: Что же ты тунеядствуешь въ Скиѳии, забывъ ради любви свою славу? Вернись въ Грецію, или ты стала малодушенъ, и твое мужество утратилось на лонѣ Ипполиты? — Перитой изчезъ, но Тезей познаетъ въ этомъ знаменіи голосъ какого-нибудь божества, пекущагося объ его чести. Онъ рѣшаетсяѣхать и вмѣстѣ съ Ипполитой и Емиліей направляется въ Аеини.

Съ десятой строфы второй пѣсни главнымъ источникомъ Боккачъ служили Фиваида Стаций, не только для эпической рамки, которой онъ обвелъ свою новеллу, но и для некоторыхъ бытовыхъ подробностей послѣдней, особенно въ XI-й книгѣ.

Напомнивъ въ короткихъ чертахъ¹⁾ объ ужасахъ Фиванской легенды, Боккачъ переходитъ къ тому ея моменту, когда Креонть запретилъ арголійскимъ женамъ предавать погребенію тѣла родныхъ, падшихъ подъ Фивами. Жены отправляются въ Аеини молить Тезея о справедливости и защите; ихъ принимаютъ радушно, приглашаютъ въ дома, но они ищутъ убѣжища въ храмѣ

1) II, 11.

Милосердія (Clemenza). — Въ это время и вернулся Тезей; описанъ его торжественный въездъ въ городъ, вмѣстѣ съ Ипполитой и Емилией, на колесницахъ, въ царской мантии и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Онъ приносить жертву въ храмѣ Паллады; когда онъ проѣзжалъ мимо храма Милосердія, толпа женщинъ бросилась къ нему неистово, съ крикомъ и плачомъ. Онъ пораженъ; онъ гнушаются моей славой, которая радуетъ другихъ, думается ему. Кто вы и почему такъ плачете? Выслушавъ разсказъ одной изъ нихъ, онъ рѣшается тотчасъ-же исполнить ихъ желаніе, и не отдохнувъ, отправиться въ новый походъ. Ипполита останется пока съ Егемъ; она-бы и сама отправилась, если бы Тезею пріятно было снова увидѣть ее съ оружиемъ въ рукахъ. Войско бодро откликнулось на его призывъ; не повидавъ ни отца, ни пріятелей, онъ покинулъ Аѳину и черезъ нѣсколько дней сталь станомъ подъ Оивами, на поляхъ, надъ которыми еще носился смрадъ отъ покинутыхъ безъ погребенія труповъ. Вызовъ Тезея принять Креонтомъ, битва рѣшается ихъ единоборствомъ: Тезей сбрасывается замертво противника; пришелъ твой послѣдній день, говорить онъ ему, теперь ты понесешь должное наказаніе: твоє оружіе я посвящу Марсу, тѣло отдамъ женамъ, которыхъ ты опечалилъ. Креонтъ отвѣчаетъ надменно, не измѣнившись въ лицѣ¹⁾: Кончай скорѣе, лишь бы мнѣ умереть, прежде чѣмъ побѣда будетъ на твоей сторонѣ; пока я доволенъ, ибо могу рассказать подземнымъ богамъ, что преимущество было за моими. Онъ умолкъ, Тезей стала разоруживать его, уже похолодѣвшаго, потому что душа покинула тѣло. Побѣда остается за Тезеемъ, побѣженные бѣгутъ въ горы и лѣса, за ними горожане; Тезей позволяетъ своему войску разграбить городъ, щадя святыни, велить совершилъ похоронный обрядъ надъ тѣломъ Креонта, дабы онъ могъ принести адскимъ тѣямъ лучшее о немъ свидѣтельство, чѣмъ именитые мужи, которыхъ тотъ лишилъ погребенія. Грече-

1) II: 68: nѣ sembianza mutò l'ardita fronte. Сл. Inf. X, 74—75 о Фарната: non mutò aspetto.

скимъ женамъ предоставлено совершить тризны надъ ихъ родными, предоставленъ и самый городъ; предавъ его сожжению, они уносятъ съ собою прахъ близкихъ.

Здѣсь и привязывается новелла, которую Боккаччо поставилъ въ центръ своей поэмы. Откуда онъ ее заимствовалъ — остается неизвѣстнымъ; имена не говорять сами по себѣ за классической источникъ, всего менѣе за греческій: типъ именъ латинскій, навѣянный чтеніями Боккаччо. На полѣ битвы нашли двухъ раненыхъ юношей, ихъ видъ и блестящее вооруженіе даетъ по-водѣ предположить, что они царственного рода; ихъ не обезоруживаютъ, а бережно несутъ къ Тезею; это Арчита и Палемонъ, внуки Кадма, пріятели. Тезей велитъ уврачевать ихъ раны и беретъ съ собою; при его побѣдномъ вступлениі въ Аѳину, они вдругъ передъ его колесницей; въ храмѣ Марса онъ позѣсилъ оружіе Креонта и свой лавровый вѣнокъ; прибывъ во дворецъ, разсказываетъ Ипполитъ о своихъ подвигахъ и невзгодахъ, а она пристально смотрѣть на него своими плутовскими глазами, и ему кажется, что онъ въ раю. Арчита и Палемона онъ хотѣлъ было предать смерти, чая отъ нихъ опасности, но затѣмъ осудилъ на вѣчное заключеніе въ одномъ покoѣ своего дворца.

Умалился гнѣвъ Юноны съ паденiemъ Фивъ, Марсъ ушелъ въ свою холодную обитель, и я стану въ болѣе пространной рѣчи пѣть про Амура; да будетъ онъ мнѣ помощенъ! Такъ начинается Боккаччо свою третью пѣсню. Прошелъ почти годъ съ тѣхъ поръ, какъ двое юныхъ евангельскихъ томились въ заключеніи, когда Венера явилась имъ причиной новыхъ вздоховъ. Была весна ¹⁾, и все въ природѣ дышало любовью ²⁾, когда однажды утромъ красавица Емиля вышла, по обыкновенію въ садъ, въ юбкѣ и босая; распѣвая любовные пѣсни, она срывала бѣлой ручкой молодыя розы съ шиповъ, и усѣвшись на травѣ, плела вѣнокъ

1) Фебъ былъ въ созвѣздіи того мирнаго животнаго, который увлекъ Европу, III, 5.

2) I. c. 6—7.

для белокурой головки. Услышав ее голос, Арчита открыла окно и просунула голову за решетку; было темновато, ибо солнце еще не высоко стояло над горизонтомъ, но онъ разглядѣлъ красавицу. Подойди сюда, шепчетъ онъ Палемону: навѣрно сюда спустилась Венера; слышишь, какъ она поетъ? Палемонъ также смотрить: это Цитеря, говорить онъ, я не видѣлъ ничего красивѣе. — Замѣчаешь-ли и ты то-же, что и я, въ ея прелестныхъ глазкахъ? спрашиваетъ Арчита. — Что такое? — Я вижу того, кто поразилъ красотой Дафны Аполлона; у него въ рукахъ двѣ золоченыхъ стрѣлы, вотъ онъ положилъ одну на тетиву и смотрѣтъ на одного меня; можетъ быть, онъ не доволенъ, что я гляжу на красавицу. — Вижу и я, но должно быть, онъ уже метнулъ стрѣлу, у него въ рукахъ всего одна. — Онъ такъ ранилъ меня, что боль уже подступаетъ къ сердцу, если эта богиня не поможетъ мнѣ. — Увы! вскрикнулъ ошеломленный Палемонъ, другая стрѣла угодила въ меня. — При этомъ увы! девушка повернулась къ окошку, закраснѣлась, увидѣвъ незнакомыя лица, потомъ, ободрившись, поднялась и пошла съ собранными цвѣтами. Это увы! заставило ее задуматься; она еще не созрѣла для любви, но понимала, къ чему любовь стремится¹), поняла, что сама она понравилась; это радуетъ ее, и она стала прихорашиваться всякий разъ, когда выходила въ садъ.

Оба юноши²⁾ повѣряютъ другъ другу свои чувства. Не знаю, чѣмъ угодилъ въ мое сердце суровый стрѣлокъ! говоритъ Арчита; образъ красавицы не выходитъ у него изъ ума, для него было бы высшимъ блаженствомъ понравиться ей, какъ она нравится ему. — И во мнѣ происходитъ то-же, отвѣчаетъ Палемонъ; ничего подобнаго я не ощущалъ; ужъ не попали-ли мы подъ власть Амура, болѣе удручающаго меня, чѣмъ тюрьма Тезея? — Такъ бесѣдуютъ между собою новые влюбленные, не зная, кто такая Емilia, богиня или смертная; ихъ вздохи, чтѣ вѣтры, вы-

1) Affetta, III, 19.

2) Пока не рыцари, а конюшіе, III, 20.

рывающіеся изъ пещерь Эола. — А Емilia продолжаетъ показываться въ саду, поглядывая украдкой на окошко, откуда ей послышалось увы! Палемона; не то, чтобы побуждалъ ее къ тому Амуръ, а чтобы увѣриться, смотрятъ ли на нее. Когда она видѣла, что на нее глядѣть, она, будто ничего не замѣчая, принималась пѣть и частыла ножками, пробираясь среди кустовъ, облеченнaya скромной женственной граціей. Ей хотѣлось понравиться, но ее увлекала къ тому не любовь, а врожденная женщина мъ тщеславное желаніе показать свою красоту: если у нихъ и нѣтъ другихъ достоинствъ, онѣ довольны, если ихъ красоту похвалять; такъ, желая приглядѣться, онѣ овладѣваются другими, сами оставаясь свободными¹⁾.

Каждое утро оба влюбленныхъ стоять у окошка, надѣясь утолить лицезрѣніемъ жажду любви, но еще болѣе растравляя рану. Отъ долгихъ бѣнъ и отсутствія аппетита оба они измѣнились, но обманываютъ себя, говоря, что это отъ тюремы; уже отъ вздоховъ дѣло дошло до слезъ, Фивы забыты, и узниковъ пугаетъ мысль, что освободившись изъ заключенія, они не увидятъ болѣе свою милую. Они слагаютъ любовныя пѣсни въ честь Емиліи и узнаютъ отъ одного служителя, кто она.

Такъ прошло лѣто; съ наступленіемъ осени Емilia перестала являться въ садъ, и страданія влюбленныхъ усилились. Въ эту пору прѣѣхалъ къ Тезею его другъ Перитой; по его просьбѣ ему показали єиванскихъ плѣнниковъ; ихъ портреты не характерны²⁾. Перитой тотчасъ-же призналъ Арчиту, своего пріятеля, и просить Тезея дать ему свободу; тотъ согласенъ, но съ условіемъ, чтобы онъ никогда не являлся въ его царство, подъ страхомъ смерти. Арчита благодарить его: онъ весь въ его власти, готовъ положить за него жизнь; къ такому страстному желанію влечеть обуявшая меня любовь—къ тебѣ и твоимъ.—Тезею не вдомѣкъ, чѣмъ подсказаны эти рѣчи, и онъ принимаетъ ихъ дословно, тогда

1) III, 28—80.

2) III, 49—50.

какъ Арчита печалится объ отъѣздѣ, а Палемонъ, котораго снова отвели въ тюрьму, начинаетъ завидовать свободѣ товарища, которая дасть ему и болѣе свободы — для любви¹).

Перитой снаряжаетъ Арчита, торопить отъѣзомъ, но въ Арчитѣ происходитъ борьба: Ты знаешь, какое тягостное скитаніе по свѣту предстоитъ мнѣ, говорить онъ; мы всѣмъ ненавистны, боги враждебны намъ, я хотѣлъ бы остататься здѣсь, чьимъ-нибудь служителемъ. Все это подсказывалъ Амуръ, но Перитой не догадывался; Арчита предпочелъ бы тюрьму свободѣ, но нѣкоторыя соображенія останавливаютъ его, какъ парализовали рѣшенія Троила²): ведь его произвольное пребываніе въ тюрьмѣ объяснять не любовью, а малодушіемъ, тогда какъ свобода дасть ему возможность вернуться, хотя-бы и тайкомъ, пробраться къ Емиліи, еслибъ ее выдали замужъ въ чужую землю, и если не добиться ея любви, то хотя-бы поглядѣть на нее. Прощаюсь съ Палемономъ, онъ просить его мысленно напоминать о немъ его милой, когда онъ увидитъ ее; Палемонъ плачетъ: Я остаюсь одинокій, печальный, ты многое увидишь, и это развлечетъ тебя, я-же хотя и буду иногда утѣшаться, видя Емилію, стану пытать еще болѣе въ ея отсутствіи. Оба товарища падаютъ въ изнеможеніи, такъ что ихъ конюшимъ пришлось ихъ ободрить и поддержать. Уѣзжая, Арчита молитъ объ одномъ, чтобы ему еще разъ увидѣть Емилію, и его молитва дошла до небесъ: Емилія показалась на балконѣ съ своей служанкой и съ сожалѣніемъ глядѣть на удаляющагося въ изгнаніе. Арчита принимаетъ это за хорошее предзнаменованіе и еще часто озирается въ сторону Емиліи, останавливая коня, какъ-бы затѣмъ, чтобы поправиться.

Арчита выѣхалъ изъ Аѳинъ въ осеннюю непогоду, какъ Флоріо и, какъ онъ, перемѣнилъ свое имя, дабы его не узнали: онъ назовется Пентеемъ. Всѣ его мысли отданы Емиліи: О еслибы мнѣ пожить въ Аѳинахъ на свободѣ, чтобы возбудить въ тебѣ страсть, которой я сгораю! Я легче перенесъ бы мою раз-

1) III, 60.

2) Сл. выше стр. 189—141.

луку; но ты не можешь сочувствовать моему горю, а мнѣ и то было бы утѣшениемъ, еслибы по моей смерти ты сказала: да, онъ беззавѣтно любилъ меня! А вы, мрачныя области Дита, велите успокоиться всѣмъ, кто въ васъ томится, ибо, хотя я и живу, у меня мукъ больше, чѣмъ у любого изъ живущихъ или мертвыхъ.

Такъ среди нареканій Амуру и Фортуны онъ добрался до Оивъ. Видъ разрушенного города приводить ему на память плачевную судьбу Кадмова рода и гибель Юноны, продолжающей тяготѣть и на его потомкахъ: на немъ и Палемонѣ.

Проведя короткое время въ Коринеѣ и около года въ Микенахъ на службѣ у Менелая, онъ перебѣхалъ въ Эгину, гдѣ пристроился у Тезея; его никто не узнаѣтъ, такъ измѣнило его горе, и кто-бы ни прїѣжалъ изъ Аѳинъ, онъ у всѣхъ просить вѣстей, незамѣтно вставляя вопросъ объ Емилии.—Мотивъ, напоминающій новеллу о Тедальдо¹⁾, какъ слѣдующее за тѣмъ служеніе Арчиты у Тезея сходное положеніе въ Декамеронѣ²⁾.

Однажды, когда, по обыкновенію, Арчита гулялъ по берегу, и ему пріятенъ былъ самый вѣтеръ, вѣявшій со стороны Аѳинъ, ибо онъ коснулся Емилии, въ гавань вошла лодка. Изъ разспросовъ Арчита узнаетъ, что нареченный женихъ Емилии, Ахатъ, умеръ три дня тому назадъ, и вотъ въ немъ внезапно возгорѣлась и старая любовь и желаніе вернуться; онъ такъ измѣнился, что ему нетрудно будетъ поступить, неузнаннымъ, въ услуженіе Тезея; а коли его узнаютъ, то вѣдь лучше умереть, чѣмъ вести такую жизнь. Нѣсколько дней живеть онъ въ Аѳинахъ, скрываясь, и никто не призналъ его; молится въ храмѣ Аполлона, дабы онъ помогъ ему устроиться при Тезеѣ: у него не осталось ничего, онъ обѣднѣлъ, и онъ молить бoga принять отъ него невиданную жертву: его слезы, вздохи и страданія и желаніе любви; ими онъ богать. По нѣкоторомъ времени онъ поступилъ на службу

1) Декамеронъ III, 7.

2) I. c. VII, 7.

къ Тезею, увидѣлъ Емилію и ожилъ. Она тотчасъ же признала его, улыбнулась, но никому о томъ ни сказала и самому Арчитѣ не подала вида. «Удивительное дѣло — любовь! Рѣдко бываетъ, чтобы любимая женщина, хотя бы она и не открыла своего сердца любящему, не содержала его въ своихъ мысляхъ; если она видимо и гнѣвается, тѣмъ не менѣе ухаживаніе ей пріятно, и если она не любить другого, ей придется, мало ли, много ли, полюбить ухаживающаго¹⁾). Это—развитіе дантовскаго афоризма, что любовь не можетъ не вызвать любви²⁾, и вмѣстѣ характеристика Емиліи: она полюбитъ потому, что любима.

Вскорѣ Арчита-Пентей такъ пришелся по сердцу Тезею, что стала ближнимъ къ нему человѣкомъ; свою страсть онъ скрываетъ и ведеть себя осторожно, изрѣдка поглядывая на Емилію, которая представляется, что не вѣдаетъ любви, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она уже понимала въ ней нечто, ибо такія пришли лѣта. Арчита весель, распѣвается, рядится, показываетъ свое искусство въ воинскихъ упражненіяхъ; но Емилія вѣдь не знаетъ, для кого онъ все это дѣлаетъ, а ему не кому въ томъ открыться. И вотъ по ночамъ онъ уходитъ въ одну рощу и здѣсь бесѣдуетъ самъ съ собою. Амуръ обидѣлъ его, ибо онъ любить, но не любимъ; пусть поможетъ ему, это въ его власти, а онъ вѣчно будетъ славословить его въ своихъ пѣснопѣніяхъ. Среди такихъ жалобъ онъ засыпалъ, и обновлялъ ихъ на зарѣ, передъ тѣмъ, какъ вернуться домой. Однажды утромъ онъ плакался на Фортуну, припоминая свои приключения до той поры, когда, подъ именемъ Пентея, онъ ради Емиліи вернулся въ Аѳину. Слышишь эти сѣтованія Памфило, слуга Палемона, и спѣшить дождить о томъ своему господину.

Между тѣмъ Палемонъ отдавался въ тюрьмѣ печальнымъ мыслямъ: то ему казалось, что Емилія достанется Арчитѣ, и его обуревала ревность, то являлась твердая увѣренность, что она

1) IV, 55.

2) Amor a nessun amato amor perdonâ.

будеть принадлежать ему, лишь бы ему выйти изъ тюрьмы. Выслушавъ разсказъ Памфило, онъ дивится любви и вмѣстѣ неразумію Арчиты, не велить Памфило сказывать о томъ, что знаетъ; если самъ онъ и ревнуетъ къ Арчитѣ, безъ его вины, то не желаетъ ему вреда; если боги благосклоннѣе къ нему, пусть будетъ ему удача, а мнѣ уронъ. Но затѣмъ мысли увлекаютъ его въ другую сторону: ему хотѣлось бы вырваться изъ тюрьмы, сосчитаться съ Арчитой съ оружіемъ въ рукахъ, ибо любовь и власть не знаютъ раздѣла. Онъ просить Памфило помочь ему, и тотъ придумываетъ разныя средства: полетѣ вродѣ того, которыемъ освободился изъ заключенія Дедалъ съ Икаромъ; насильный увозъ, подкупъ стражей — все это оказывается невозможнымъ. Остановились на слѣдующемъ: какъ разъ въ ту пору прибыль известный врачъ Алиметъ; Памфило приведеть его къ Палемону, который представится больнымъ и выйдетъ изъ тюрьмы въ одеждѣ врача, тогда какъ Алиметъ одѣнется въ платье Памфило. Бѣгство удастся, ибо Памфило подпоилъ стражей. Отдохнувъ въ гостинницѣ¹⁾ и вооружившись, Палемонъ отправляется на поиски Арчиты, моля дщерь Латоны помочь ему, направивъ его стопы, какъ направила путь Леандру. Арчиту онъ находитъ спящимъ подъ сосновой; онъ не узналъ бы его, еслибы Фебея не освѣтила его лица своими лучами. Онъ не хочетъ будить его, а сталъ рядомъ и говорить про себя: О милый другъ, если бы ты теперь проснулся, между нами все-бы скоро кончилось! — Уже близится день и запѣли птички, когда Арчита пробудился; чего ты ищешь здѣсь, да еще вооруженный? спрашивается онъ Палемона. — Тебя, товарищъ; тебя одного желалъ я встрѣтить, почему и бѣжалъ изъ тюрьмы. — И онъ радушно поздоровался съ нимъ, оба были рады другъ другу и рассказали свои похожденія. Послушай дорогой другъ, началь Палемонъ, пылая любовью: я такъ люблю Емилію, что не нахожу покоя ни днемъ, ни ночью; ты также любишь ее, но она можетъ принадлежать лишь одному; умоляю

1) Ostiere, V, 27.

тебя, согласись, чтобы она была мою. — Арчита побагровѣть отъ гнѣва: Ты знаешь, Палемонъ, какимъ опасностямъ подвергъ я свою жизнь лишь затѣмъ, чтобы имѣть возможность служить Емиліи. То, чего ты просишь для себя, то уступи твоему родичу Арчитѣ. — Не того ожидалъ я отъ твоей дружбы; если ты отказываешь мнѣ въ дарѣ, клянусь Юпитеромъ и Венерой, мы рѣшимъ это дѣло оружиемъ, прежде чѣмъ разойдемся. — Къ чему хочешь ты подвергать себя и меня опасности, можетъ быть, смерти? Есть другое, лучшее рѣшеніе: пусть каждый изъ насъ постарается пріобрѣсть любовь Емиліи, и кому предоставить ее Фортуна, того она и будетъ. Если о насъ узнаютъ, намъ не видать ее, ибо настъ предадутъ смерти; потому будемъ оба любить тайно, пока не рѣшишь иначе Юпитеръ. Положеніе дѣлъ можетъ измѣниться, я могу уѣхать, моя любовь охладѣть, ты — попасть, какъ я, въ милость Тезея. — Палемонъ ничего не хочетъ слышать, а Арчита продолжаетъ уговаривать его: если ты убѣшь меня, тебѣ будетъ не легче, придется вернуться въ тюрьму, либо бѣжать; а если ты и полюбился Тезею, неужели ты убѣжденъ, что онъ отдастъ за тебя Емилію? У него болѣе высокіе виды; я у него служу, а едва осмѣливаюсь поглядѣть на нее, а ты хочешь попросить ее за себя! Съ другой стороны, еслибъ я поклялся тебѣ не любить ее, неужели ты думаешь, что я въ состояніи сдѣлать это при всемъ стараніи? Что-же хочешь ты предпринять? Станемъ-ли мы биться, чтобы подѣлить мечемъ то, что намъ не принадлежитъ? Брось свой неразумный замыселъ, бѣги, пока не насталъ день, да и я не увѣренъ въ прощеніи, если меня узнаютъ. — О моемъ спасеніи прошу не заботиться, отвѣчаетъ Палемонъ; обо всемъ, что ты мнѣ говорилъ, я и самъ передумалъ. Потому, либо дай слово не любить Емиліи, либо готовься къ бою. — Арчита вздохнулъ, снова вспомнился ему гнѣвъ Юноны, гнетущій родъ Кадма до его послѣднихъ потомковъ; готовясь къ бою, онъ призываетъ боговъ въ свидѣтели, что не онъ его вызывалъ: его желаніе было-бы и любить Емилію, и быть въ ладахъ съ пріятелемъ. Палемонъ ничего не отвѣтилъ, заслонился щитомъ, и поединокъ

начался. Палемонъ ошеломленъ ударомъ Арчиты и падаетъ съ коня замертво; Арчита ухаживаетъ за нимъ, укладываетъ на травѣ, орошаетъ лицо водою, плачетъ; въ это время очнулся Палемонъ: Ты меня сбилъ, но не побѣдилъ, говорить онъ, не думай, чтобы твои слезы меня разжалобили, тебѣ еще придется биться со мною изъ за Емиліи. Схватка продолжается, когда въ рощѣ, гдѣ она происходила, показался съ охотничьей свитой Тезей; Емилія ѿхала верхомъ на бѣломъ конѣ, съ соколомъ на рукѣ, съ боку рогъ, за плечами лукъ и золотой колчанъ съ стрѣлами, на бѣлокурой головкѣ вѣнокъ изъ свѣжей зелени. Увидѣвъ двухъ бойцовъ, она остановилась, изумленная, а тѣ узнали ее и еще страстнѣе набросились другъ на друга. Она подзываетъ къ себѣ своихъ, Тезея; кто вы такие и изъ-за чего бьетесь? спрашиваетъ онъ борющихся. Они говорятъ, что рыцари, боятся изъ-за любви, и открываютъ, кто они. Тезей сначала разгневался, но за тѣмъ благодарить обоихъ за то, что они не скрыли своихъ именъ, спрашиваетъ, какимъ образомъ Амуръ поразилъ ихъ одной и той-же напастью, когда одинъ изъ нихъ изъ Эгины, другой плѣненъ подъ Фивами. Большимъ мужествомъ наградилъ васъ Амуръ, что вы не убоялись смерти, говорить онъ, выслушавъ ихъ разсказъ: оба вы заслужили ее, но я самъ бывалъ влюбленъ и безумствовалъ, и какъ мы прощали, такъ прощаю и я вамъ—но подъ условіемъ. Женихъ Емиліи умеръ, она свободна; пусть каждый изъ васъ изберетъ по сту товарищей, и черезъ годъ общій бой рѣшишь, кому изъ васъ она будетъ принадлежать. — Арчита и Палемонъ смиренно благодарятъ, они счастливы, оправились, какъ поблекшая роза на зарѣ или отъ мягкаго вѣтерка. Видишь-ли, что изъ-за тебя, красавицы, творить Амуръ? говоритъ Тезей, обращаясь къ Емиліи; быть тебѣ замужемъ за однимъ изъ этихъ двухъ доблестныхъ. Она ничего не отвѣчала, но зардѣлась; въ городъ Арчита и Палемонъ вѣзжаютъ по сторонамъ ея; Тезей вернувшись имъ все ихъ достояніе, отнятое у нихъ, когда они стали его плѣнниками.

Дѣйствіе дошло до своего перелома: одна битва, и мы ожи-

даемъ развязки, между тѣмъ поэма тянется еще на цѣлыхъ семь пѣсень. Шестая и седьмая полны эпическихъ chevilles: общихъ мѣсть обѣ измѣнчивости Фортуны¹⁾, о веселой, роскошной жизни, которую ведутъ старые пріятели, обновившіе дружбу; они оповѣщають своихъ знакомыхъ, прося ихъ явиться на состязаніе, и тѣ приходятъ въ почти полномъ составѣ греческаго герояческаго миа: Ликургъ и Пелей, Низъ и Агамемнонъ, Касторъ и Поллуксъ, Ипподамъ и Несторъ и друг.; описывается ихъ вѣшній видъ, вооруженіе, девизы на щитахъ; Агамемнонъ является на колеснице, запряженной быками, съ всклокочеными волосами, въ ржавомъ вооруженіи, съ медвѣжьей шкурой на плечахъ²⁾: Боккаччо пустилъ здѣсь въ ходъ и свою классическую арудицію и фантазію, въ которой много средневѣковаго; не явились Нарциссъ, ибо успѣлъ обратиться въ цвѣтокъ, Леандръ, погибшій на пути къ Геро, и Эризихтонъ, обезсилѣвшій съ голоду, съ тѣхъ поръ, какъ велѣлъ срубить священное дерево Цереры³⁾. Всѣ они приняты съ почестями и не дивятся Арчитѣ и Палемону, что они подвергли себя опасностямъ изъ-за такой красавицы: владѣть ею большее благо, чѣмъ быть властителемъ Оивъ, и счастливы всѣ, приванные проявить свою доблесть въ

1) VI, 1—5.

2) VI, 21—2.

3) VI, 61—63. Сл. подобные перечни героевъ и народовъ въ Оивамѣ, кн. VII и XII. Слѣдующая строфа Тезеиды (VI, 61) парофразируетъ три стиха Стапія (VII, 840—3):

Avreble qui vi Cefiso mandato
Narciso, se non fosse ch'egli in fiore
Già ne' campi tespiani mutato
Era, per troppo a sè avere amore:
Spesso dal padre fu'l lito bagnato,
Siccom 'io credo, per troppo dolore
D'aver perduto in la sua fanciulezza
Il caro figlio per troppa bellezza.

Tu quoque praeclarum forma, Cephise, dedisses
Narcissum, sed Thespiaclis iam pallet in agris
Trux puer; orbata florem, pater, adluis unda.

такомъ дѣлѣ. — Собравъ пріѣзжихъ витязей въ театрѣ, Тезей держитъ имъ рѣчъ: онъ не ожидалъ, что столько доблестныхъ героевъ соберется для рѣшенія такого маловажнаго вопроса; дѣло идетъ не о царствѣ или наслѣдствѣ либо отмѣсткѣ, а о любви, и бой долженъ быть любовный, не ненавистный, ибо онъ не желаетъ напраснаго пролитія крови: теперь не тѣ времена, и не тѣ страсти. Пусть каждый изъ влюбленныхъ выберетъ себѣ соратниковъ, чтобы съ каждой стороны ихъ было по сту; бой долженъ происходить на мечахъ и палицахъ, не на болѣе опасныхъ копьяхъ. — Именно число сто дало поводъ предположить, что Боккаччо въ изображеніи своего боя могъ руководиться слухами о несостоявшемся турнирѣ между Карломъ I Анжуйскимъ и Петромъ Арагонскимъ, где съ каждой стороны должно было выступить такое же число бойцовъ¹). — Въ народѣ послышались хвалебные крики, Арчита и Палемонъ выбираютъ себѣ сторонниковъ, и Тезей ведеть ихъ по городу; каждый изъ нихъ зналъ, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло, но не было между ними вражды, и все старались угодить другъ другу.

Въ ночь передъ боемъ Арчита молится о побѣдѣ въ храмѣ Марса, и его молитва проникаетъ въ палаты бога и страшится ихъ вида, какъ страшится Меркурій у Стациіа, которому Боккаччо здѣсь подражаетъ. Палаты стоять на єракійскихъ равнинахъ, въ лѣсу, окруженнаго бурей, дождемъ и снѣгомъ, стальныя, съ алмазными воротами. Все расписано внутри изображеніями дѣлъ, любыхъ Марсу, и полно аллегорическихъ существъ: здѣсь и бѣшеный Натискъ, и слѣпой Грѣхъ, и Стонъ, и багровые Гнѣвы, и блѣдный Страхъ²). Молитва Арчиты услы-

1) C. John Schmidt, La Th  seide de Boccace et la Th  seide grecque у J. Psichari, Études de philologie n  ogrecque, стр. 306 слѣд.

2) Theb. VII, 47 слѣд.:

primis salit Impetus amens
E foribus caecumque Nefas Iraeque rubentes
Exanguesque Metus, occultisque ensibus astant
Insidiae geminumque tenens Discordia ferrum.

шана, онъ видитъ тому знаменіе: жертвенные огни загорѣлись ярче, дымъ єеміама потянулся къ изображенію бога, и его оружіе тихо зазвенѣло ¹⁾.

Палемонъ между тѣмъ приносить жертву въ храмъ Венеры, но онъ просить не о побѣдѣ, а объ обладаніи Емиліей. И его молитва проникаетъ въ обитель богини на верху Цитеры и созерцаеть ея красоты ²⁾. И здѣсь то-же царство аллегорій, но спена въ прелестномъ саду, среди ручьевъ и щебетанія птичекъ, гдѣ Амуръ куетъ свои стрѣлы, съ нимъ Сладострастіе и Досугъ, дающіе: Служеніе дамъ (Cortesie)—и тѣ художества (Arti), которыя невольно сводятъ съ ума; Красота, созерцающая свои обнаженные прелести, и Юность, безумная Смѣлость и Лесть. Юноши и девушки пляшутъ вокругъ храма, у входа котораго сидитъ Миръ и блѣдное Терпѣніе и ложныя Обѣщанія, гдѣ царитъ Ревность и Пріапъ и повѣшены надломленные луки бывшихъ служительницъ Діаны. Въ потаенномъ покоѣ, охраняемомъ Богатствомъ, покоится на ложѣ полуобнаженная богиня Любви, около нея сидятъ Вакхъ и Церера, а сама она держитъ въ рукахъ яблоко, которое когда-то перебила у сестеръ въ Идейской равнинѣ.

Всю ночь пробыть Палемонъ въ храмѣ, какъ то было, вѣроятно, въ обычай, когда конюшаго предстояло посвятить въ рыцари ³⁾. Его молитва услышана, но между Марсомъ и Венерой

Innumeris strepet anla Minis, tristissima Virtus
Stat medio, laetusque Furor vultuque cruento
Mors armata sedet.

Teseide VII, 33: Lì gl'Impeti dementi parve a lei veder.... Ed il cieco Pec-
care, ed ogni Omei.... Videvi l'Ire rosse come fuoco E la paura pallida in quel
loco; 34: E con gli occulti ferri i Tradimenti Vide, e le Insidie con giusta appa-
renza; Lì Discordia sedeva e sanguinenti Ferri avie in mano.... E'n mezzo il
loco la Virtù tristissima; 35: Videvi ancora l'allegro Furore, E oltre a ciò con
volto sanguinoso La morte armata vide e lo Stupore.

1) Сл. VII, 24: оружіе Марса, pe' qua' rase D'ardir le fronti furo agli orgo-
gliosi Fi' della Terra. Сл. Inf. VIII, 118: le ciglia avea rase D'ogni baldanza.

2) VII, 50 слѣд. и описание въ Амето, стр. 127 слѣд.

3) VII, 68.

поднялась въ небѣ распры, которую они хитро порѣшили между собой, такъ чтобы удовлетворить того и другого молящаго ¹).

Емилія также приносить жертвы въ храмѣ Діаны ²): если уже ей суждено покинуть сонмъ богини, пусть утолить пыль любящихъ ее юношей, помирить ихъ, поможеть имъ въ бою, и если быть тому, что положили боги, пусть достанется ей тотъ, къ которому она ближе желаніемъ и кто сильнѣе ее любить ³). Она возжигаетъ одинъ огонь для Арчита, другой для Палемона, и ждетъ знаменія; голость Діаны велитъ ей глядѣть, что будетъ: одно пламя потухло и вновь разгорѣлось, другое потускнѣло, его языки заблестѣли цвѣтомъ сѣры, заметались и погасшія головни, стеная, испуская будто слезы. Емилія не поняла этого знаменія и уходитъ домой, полная страховъ.

На другое утро Арчита и Палемонъ, каждый съ своими соратниками, идутъ во дворецъ Тезея; въ храмѣ Марса онъ опоясываетъ ихъ мечемъ, посвящая въ рыцари ⁴), и всѣ отправляются въ амфитеатръ, лежавшій за городомъ ⁵): Боккачъо припомнилось это описание, когда въ концѣ VII-го дня Декамерона онъ изобразилъ Долину Дамъ амфитеатромъ. Арчита и Палемонъ подошли къ нему почти одновременно, съ разныхъ сторонъ; они еще не видѣть другъ друга, но звуки трубъ и крики толпы отрезвили въ нихъ страстное желаніе боя, какъ страшится въ засадѣ охотникъ, заслышивъ, что левъ поднялся. Оба противника выѣзжаютъ на арену съ своими товарищами и декурьюнами ⁶); Арчита поднялъ глаза на Емилію, явившуюся съ Тезеемъ поглядѣть на битву: О красавица, достойная скрѣе Зевса, чѣмъ смертнаго, не гнушишися моей любовью, не поскучись для меня своими молитвами; я не смѣю молить тебя о томъ, но ты, разумная, поймешь мои мол-

1) См. *Thebaid*. III, 260 слѣд.: распры и уговоръ между Венерой и Марсомъ.

2) VII, 70 слѣд.

3) VII, 85.

4) VII, 103.

5) VII, 108 слѣд.

6) VII, 114.

чаливия просьбы: вѣдь исполненіе гласной просьбы кажется скорѣе отплатой, чѣмъ даромъ¹⁾.—Палемонъ не такъ словоохотливъ: онъ молчитъ; то не девушка, а богиня, думаетъ онъ, глядя на Емилію. Звукъ трубы ошеломилъ ихъ, и они пришли въ себя, какъ тревожно просыпается человѣкъ, разбуженный внезапнымъ шумомъ. Тезей дѣлаетъ распоряженія: чтобы побѣжденные въ бою не бралисъ болѣе за оружіе, вышедшіе изъ амфитеатра въ него не возвращались. Арчита держитъ рѣчъ къ своимъ: онъ надѣется на помошь Марса, зачинщикъ не онъ: я хотѣлъ любить Емилію сообща съ Палемономъ, мирно, онъ не желалъ того²⁾; помните, что боги положили честью увѣнчать на этомъ полѣ дѣла доблести; здесь покажутъ себя тѣ, кто былъ когда-либо влюбленъ.

Палемонъ также говорить своимъ, и по третьему звуку трубы начинается битва, наполняющая всю восьмую пѣсню. Начало отличается шаржемъ и накопленіемъ сравненій: не даромъ поэтъ еще разъ призывалъ на помошь свою музу—не классическую, ибо то, что происходитъ на сценѣ, напоминаетъ, подъ античными именами, средневѣковые турниры и военные игры въ честь дамъ, въ служеніи любви. Битва распадается на рядъ поединковъ и схватокъ, въ описание которыхъ Боккаччо вносить известное разнообразіе: Ида вскочилъ сзади на сѣдло Арчиты, обхватилъ его руками и самъ хочетъ пришпорить его коня, чтобы увлечь его въ свою сторону, но Арчита изловчился повернуть свою лошадь, тѣло Иды, продолжавшаго держаться за него, служить ему защитой отъ вражескихъ ударовъ; такъ онъ увлекъ его къ своимъ; Ида хочетъ спрыгнуть и бѣжать, но зацепился шпорой и растянулся на землѣ³⁾. Другая свалка происходитъ вокругъ знамени⁴⁾. Арчита усталъ, вышелъ изъ боя, оттеръ потъ и кровь, но увидѣвъ веселые глазки Емиліи, снова воспрянулъ, какъ Антей, коснувшись земли: витязи валятся подъ его ударами, Фионъ, племян-

1) VII, 127.

2) VII, 186.

3) VIII, 58 слѣд.

4) VIII, 66 слѣд.

никъ Палемона, умирая, шлетъ ему пожеланіе: пусть Емилія угостить его такимъ-же поцѣуемъ, какимъ угостила онъ его¹). Палемонъ также совершаєтъ чудеса храбрости; отъ множества крови пыль и парь осѣлись на аренѣ. Тезей любуется боемъ, покраснѣлъ отъ волненія, едва удерживается отъ участія въ немъ, и въ Ипполитѣ проснулся ея мужественный духъ; лишь Емилія смотритъ на все изумленно и растерянно, принимая каждого сраженного за Арчиту или Палемона, коря Амура и судьбу за свою роковую красоту²). Къ чему такое кровопролитіе изъ-за нея одной? Ей припоминаются примѣры античныхъ богинь и красавицъ, добытыхъ съ меньшими усилиями. Хорошо, еслибы одинъ изъ соперниковъ нравился ей болѣе другого, но оба они такъ благородны и прекрасны, что я не знаю, кого-бы я предпочла. Вотъ въ какое затрудненіе поставилъ меня Амуръ: я боюсь за того и за другого, не знаю, кому я желала-бы помочь, надѣяясь разжалобиться, кого болѣе жалѣть; смотрю на того и другого и одинаково вздыхаю. Отчего не предоставилъ имъ Тезею рѣшиТЬ промежъ собою дѣло поединкомъ въ лѣсу? Она принадлежала бы одному, не испытавъ изъ-за нихъ ни гнѣва, ни печали. Вотъ что ты сдѣлалъ со мною Амуръ; я болѣе не въ силахъ, влюблена — безъ любви. Ты пожираешь, тяготишь меня, поразилъ меня невѣданной стрѣлою; хотя-бы мнѣ быть увѣренной, что одинъ изъ нихъ останется въ живыхъ и будетъ миѣ супругомъ!

Между тѣмъ ряды сражающихся порѣдѣли и бой притихъ, когда Марсъ, смотрѣвшій на него сверху вмѣстѣ съ Венерой, спустился, полный гнѣва, и представъ Арчитѣ въ образѣ Тезея, началъ корить его: Что ты тутъ дѣлаешь, негодный витязь? Развѣ не видишь ты, какъ сражается Палемонъ, глумясь, что подъ именемъ Пентея ты хотѣлъ овладѣть Емиліей, ибо не надѣялся добыть ее оружиемъ? — Эти слова, тайная, огневая бли-

1) VIII, 89; сл. Theb. II, 641: *hos tibi complexus, haec dent, ait, oscula nati.*

2) VIII, 95 слѣд.

зость бога снова возбудили Арчиту: онъ бросается въ схватку, Палемонъ выѣзжаетъ къ нему на встрѣчу; конь Кромиса, че-
вѣкоядецъ, схватилъ Палемона за руку и сташилъ съ сѣла.
Едва освободили его отъ коня, а Арчита спѣшилъ обезоружить
его, чтобы посвятить его оружіе Марсу, если побѣда останется
за нимъ.

Опечалился Палемонъ, опечалилась и Емилія, зная, какія
между ними положены были условія, но увѣрившись, что она
будетъ принадлежать Арчитѣ, тотчасъ-же обратила къ нему
свои мысли и любовь. Такъ быстро измѣнилось ея настроеніе;
потому да остережется всякий, чтобы не упасть, замѣчаетъ, не
безъ ироніи, поэтъ; развѣ ему желательно узнать, кто его другъ,
кто недругъ. Тотъ, кого прежде любили подъ сомнѣніемъ, теперь
покинутъ откровенно; прежде Арчита и Палемонъ казались рав-
ными, теперь всѣ похвалы отданы красотѣ и храбрости Арчиты.
Емилія убѣждена, что боги предоставили ей лучшаго, начинаетъ
втайне любить его, бой кажется ей слишкомъ долгимъ и опас-
нымъ для Арчиты; новое, небывалое чувство проснулось въ ея
сердцѣ, образъ Арчиты не покидаетъ ее, и она его не сторо-
нится¹⁾.

Не много бойцовъ осталось на мѣстѣ, они сдаются Арчитѣ,
который гордо объѣзжаетъ поле битвы. Но уже судьба повер-
нулась въ другую сторону, какъ часто бываетъ, что чѣмъ выше
вознесется человѣкъ, тѣмъ ближе къ своему паденію. Твое дѣло
сдѣлано, говорить Венера Марсу, и принимается за свое: спу-
стилась въ мрачныя обители Дита и вызвала оттуда Ериннію²⁾;
ея страшный видъ³⁾ наводить трепетъ на всѣхъ, собравшихся
въ амфитеатръ, измученный конь Арчиты упалъ навзничь и смялъ
подъ собою сѣдока⁴⁾; когда его освободили, онъ еще бросился было

1) VIII, 124 слѣд.

2) Сл. Thebaid. I, 88 слѣд. (Эдипъ вызываетъ Тизифону; сл. XI, 57 слѣд.);
Aen. VII, 328 слѣд.

3) IX, 5.

4) Сл. Thebaid. VI, 469 слѣд.: Аполлонъ пугаетъ коней: Anguicomam monstri .

бѣжать, такъ страшить его Ериннія. Емилія побѣднѣла, точно трупъ, который несутъ на костерь; она любить Арчиту и боится за него; какъ кратко было мое счастье! говорить она; что-то подсказываетъ ей, что ея любовь будетъ такъ же полна тревогъ, какъ и всякая другая, и она поняла теперь, что пророчила ей Діана. Арчиту разоружили, всѣ ухаживають за нимъ; старикъ Эгей положилъ его голову на колѣни, подоспѣла и Емилія; раненый слышитъ все, но не въ состояніи отвѣтить: молящіе глаза переходятъ безсмысленно отъ одного къ другому; Емилія печалится и слезы борются въ ней со стыдливостью. Опечаленъ и Палемонъ и за свою неудачу, и за Арчиту: онъ же ему родичъ. Первымъ вопросомъ Арчиты, когда къ нему вернулась рѣчъ, было: за кѣмъ осталась побѣда? Онъ счастливъ, просить Тезея позвать Емиліо: ему хочется услышать ея рѣчъ, умереть на ея рукахъ, ибо онъ увѣренъ, что ему не жить. Тезей и Емилія утѣшаютъ его; увидѣвъ ее, онъ ожила, какъ цвѣтокъ на утреннемъ солнцѣ, и въ состояніи участвовать въ побѣдномъ шествіи, которое устраиваетъ ему Тезей: его посадили на колесницу, какой не было ни въ триумфѣ Сципиона, ни у Фаэтонта,увѣнчали лавромъ; побѣженные шествуютъ впереди, безоружные, но не въ цѣпяхъ; идутъ не по принужденію: Палемонъ просилъ ихъ доставить это утѣшеніе Арчитѣ; несутъ оружіе Палемона; рядомъ съ Арчитой сидить, зарѣвши и опустивъ глаза, Емилія; всѣ смотрятъ на нее, показываютъ другъ другу на бойцевъ, которые идутъ, потупивъ голову, одни гнѣвные, другіе смущенные. Обойдя городъ, шествіе достигло дворца; Арчиту уложили; Тезей держитъ рѣчъ къ побѣженнымъ: Мы во власти судьбы, говоритъ онъ, и не за вами стало, если не на вашей сторонѣ побѣда; вы исполнили свое дѣло и свободны; станемъ же веселиться. А Палемонъ идетъ къ Емиліи: Я вашъ плѣнникъ, какимъ быль всегда съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ васть; дѣлайте со мной, что хотите,

effigiem, saevissima visu Ora movet sive ille Erebo, seu fixit in actu Temporis,
innumera certe formidine cultum Tollit in astra nefas.

осудите на смерть, она мнѣ краше жизни. Емілія смущена, едва сдерживает слезы: Еслибы боги послали меня въ свѣтъ твоей единственной надеждой, мнѣ было бы грѣшно не полюбить тебя, и я любила, пока было возможно; но боги назначили меня другому, и я не могу болѣе утѣшить тебя, да и тебѣ желать того не слѣдуетъ. Много красавицъ въ городахъ Греціи, съ ними ты будешь счастливѣе. Пожалѣй себя, а я не буду къ тебѣ жестокой.— И она даруетъ ему свободу, кольцо на память: глядя на него, пусть вспоминаетъ о ней и — потщится преданно полюбить другую; ожерелье ¹⁾, похожее на то, по которому узнали объ уѣзжшѣ Амфіара ²⁾, и мечъ, лукъ и колчанъ и чудеснаго коня: ему слѣдуетъ служить Марсу, не Амуру.— Палемонъ благодарить за дары, но да упасеть его Богъ отъ любви къ другой: пока онъ живъ, онъ никогда другой не полюбить.— Всѣмъ понравились рѣчи Еміліи и смѣльный отвѣтъ Палемона, особенно Арчитѣ. Онъ торопить бракъ съ Еміліей, и они обручены, свадьба отложена до его выздоровленія.

Дабы ничто не помѣшало празднику, тѣла павшихъ преданы сожженію ночью, раненыхъ доставленъ уходъ, одному Арчитѣ неможется; врачъ Исхіонъ, вызванный изъ Епидавра, говорить, что ему не миновать смерти; ему хуже съ каждымъ днемъ; позвавъ Тезея, онъ молитъ исполнить его просьбы, ибо самъ онъ пойдетъ лицезрѣть мученія несчастныхъ, молящихъ о помилованіи ³⁾. Онъ просить отдать все его достояніе Палемону, говорить о своей любви къ Еміліи, ради которой онъ сталъ служителемъ Тезея, какъ Фебъ у Адмета; эта любовь подняла его, облагородила ⁴⁾; если онъ умретъ, пусть Емілія станетъ супругой Палемона, котораго онъ такъ любить: глядя на него, она будетъ поминать Арчиту.— Когда по его просьбѣ позвали Палемона, онъ смотритъ на него долго и пристально, точно никогда его не ви-

1) Collana, въ изд. Moutier IX, 71: cintura.

2) Съ. dirum monile Apricis у Stat. Theb. II, 266.

3) X, 19.

4) X, 23.

дѣлъ. Небо рѣшило, что мнѣ не быть здѣсь долье, говорить онъ ему; мы одни остались изъ Кадмова рода, и мнѣ хотѣлось повидать тебя еще разъ и услышать твой голосъ, дорогой другъ и товарищъ. Онъ проситъ его закрыть ему глаза и похоронить; просить Тезея отдать ему въ жены Емилию: не отказывайся отъ нея; если она была жалостлива ко мнѣ и меня любить, это ея долгъ, я съ своей стороны не взялъ отъ нея ничего, кроме какого-нибудь поцѣлуя; если, быть можетъ, она прольетъ надо мной слезы, утѣшь ее, и моя душа пойдетъ въ среду сѣтующаго сонма смилье, не столь печальная¹⁾). — Палемонъ утѣшаетъ друга, оба примолкли и плачутъ, когда вошли Ипполита и Емилия; Арчита долго созерцаетъ красавицу и затѣмъ принимается горевать въ дантовскомъ стилѣ²⁾: Плачеть Амуръ въ печальномъ сердцѣ, откуда смерть хочетъ изгнать его насильно. Ему нельзя оставаться, и выйти онъ не можетъ, и я слышу, какъ онъ тоскуетъ во мнѣ и стонетъ, такъ что мнѣ самому становится жаль себя. Духи зреїнія являются мнѣ ангельскій образъ, который даѣтъ Амуру власть надъ моимъ сердцемъ, и спрашиваютъ: Неужели быть такому горю, что тебѣ и намъ придется покинуть столь благородное созданіе? А онъ отвѣчаетъ имъ, обнимая, и говоритъ: Смерть меня гонитъ. — Обѣ дамы проливаютъ слезы; какъ мнѣ быть безъ тебя? спрашиваетъ Емилия, ты мое благо, моя радость! — Арчита говоритъ ей о Палемонѣ: будь его женой, если не можешь быть мою; такъ рѣшила судьба; отъ тебя-же, дорогая супруга, я жду послѣднихъ поцѣлуевъ. — Я одна причина твоей смерти, отвѣчаетъ въ слезахъ Емилия; гнѣвъ Венеры лежитъ на нашемъ родѣ: скончался Ахатъ, удалившись и ты. Отчего не умерла я въ тотъ день, когда родилась! Если бы я уразумѣла знаменіе Дианы, умоляла-бы тебя оставить бой. Увы! Тѣ цвѣты, которыя я рвала, пѣсни, которыя распѣвала — все это внушила Ериннія, я чувствовала это тогда-же, ибо иногда дрожала въ непонятномъ

1) X, 47.

2) X, 54 слѣд.

стражь, не зная причины, не воображая, что станется. Ты велиши мнѣ избрать Палемона, и твои слова для меня священны; я знаю, онъ меня любитъ, но я принесу ему нечестіе, такова моя недоля; Тезею слѣдовало бы отдать меня за какого-нибудь изъ своихъ враговъ.—Если она переживетъ Арчиту, останется въ услуженіи Діаны; ея подѣлу умирающему будуть ея послѣдними. Какъ бѣшеная, она бросается цѣловать Арчиту и падаетъ въ обморокъ; такихъ-ли подѣлуевъ ждала я отъ Арчты, любившаго меня болѣе себя? говоритъ она, очнувшись. Онъ обнялъ ее; теперь ему легче будетъ умереть.—Лица обоихъ увлажнились слезами, какъ чело Менала, когда солнце въ знакѣ Овна растопить его сѣбъговую одежду.

Фебъ закрылся тучами, чтобы не видать смерти Арчты; въ разсказѣ о ней есть черты Фиваиды Стасія ¹⁾, гдѣ раненый смертельно Атисъ также умираетъ въ присутствіи невѣсты Исмены. Совершивъ жертву Меркурію, Арчта предается послѣднимъ сѣтованіямъ. Онъ молитъ Бога перенести его къ блаженнымъ душамъ Елизія, ибо его дѣла не заслужили той атмосферы смерти ²⁾, гдѣ томятся, покаранные Юноной, его предки; единственное зло, имъ совершенное, это то, что онъ поднялъ оружіе противъ Палемона, за это онъ и наказанъ. Онъ не достоинъ неба и не молить о немъ; онъ доволенъ будеть Елизіемъ ³⁾; но какъ ему быть, когда онъ не увидитъ болѣе Емилія? Напрасно станетъ онъ молить о второй смерти ⁴⁾, но и въ вѣчномъ огнѣ ⁵⁾ Емилія будетъ для него — его миромъ ⁶⁾.—Еще разъ онъ уставилъ на нее свои глаза, повелъ имъ вокругъ и увидѣлъ, что всѣ плачутъ. Смерть приближалась, охватывая его постепенно; уже глаза не видятъ ничего, онъ что-то еще шепчетъ, и шепотъ

1) VIII, 697—51.

2) X, 94: *aura morta*; см. Dante Purg. I, 17.

3) X, 98.

4) *Seconda morte* X, 104; см. Inf. I, 115, Par. XX, 112

5) *Èterna fornace* X, 106.

6) *Donna . . . della mia pace.*

слагается въ слова: Прощай Емілія! Его душа поднялась къ восьмому небу, любуясь блуждающими звѣздами, слушая сладостныя мелодіи; она смотрѣть сверху на крохотный земной шаръ, вокругъ котораго стлались море, воздухъ и огонь; все это ничто передъ небомъ, и ему кажутся смишными и сѣтованія, и увлеченіе мірскими заботами¹⁾.

Одннадцатая книга посвящена описанію торжественнаго погребенія Арчиты и тризны въ честь его; здѣсь главнымъ источникомъ Боккаччо была VI-ая книга Фиванды. Костерь устроены въ рощѣ, куда онъ уходилъ мечтать; для этого срубленъ вѣковой лѣсъ, откуда съ плачемъ удалились нимфы и фавны и Панъ, властитель тѣней. Тѣло несутъ на плечахъ именинѣйшия греческіе витязи, Емілія причитаетъ, бросаетъ на костерь кольца, подаренные ей Арчитой, Палемонъ — остриженные волосы и бороду. Вокругъ громаднаго костра, на которомъ горѣли, испуская трескъ, сложенная на немъ драгоценности, оружіе и сосуды, вино и медъ и молоко, обѣзживаютъ всадники: три раза въ лѣвую сторону, одинъ разъ въ правую, послѣ чего они побросали въ огонь свое платье, какое было поверхъ оружія, и попоны съ коней. На другой день устраиваются въ честь умершаго военные игры, а Палемонъ воздвигаетъ храмъ, посвященный Юновѣ и расписанный изображеніями изъ жизни Арчиты; только его паденіе съ коня забыть написать художникъ. Здѣсь положенъ прахъ Арчиты, совершаются по немъ триетеріи, и надпись гласить: Пусть каждый, любящій безъ мѣры, поучится на мнѣ; я умеръ изъ-за любви; берегись Амура!

Когда прошло нѣсколько дней по горестномъ событию, Тезей позвалъ къ себѣ Палемона и ведеть съ нимъ бесѣду, полную общихъ мѣстъ, на тему, что смерти не избѣжать, надо подчиниться обстоятельствамъ²⁾ и неразумно предаваться безмѣрной

1) XI, 1—3; сл. Parad. XXII, 127 слѣд.

2) XII, 11: fare della necessitate virtù.

печали. Онъ говорить еще о послѣдней волѣ Арчиты, а что ее слѣдуетъ исполнить, то сказалъ ихъ первый законодатель, Фороней¹). Палемонъ молчать: ему пріятно предложеніе, но онъ боится стыда, хотеть побороть желаніе разсудкомъ; боги тому свидѣтелемъ, что онъ никого такъ горячо не любилъ, какъ Арчита; если онъ вызвалъ его на бой, то лишь вслѣдствіе того безумія, которое у нихъ въ роду, обуяло ихъ предковъ; бракъ съ Емиліей былъ бы отрицаніемъ этой любви; если, умирая, Арчита хотѣть сдѣлать угодное ему, то вѣдь нѣтъ закона, который бы обязывалъ его повиноваться желанію друга.—Онъ стоитъ, потупивъ полные слезъ глаза, а Тезей ободряетъ его: никто его не осудить, развѣ мы не видимъ, что невѣста одного брата выходитъ за другого? И Палемонъ склоняется, возвавъ о прощеніи къ Юпитеру, Діанѣ и Венерѣ и къ милостивой тѣни Арчиты. Колебанія Емиліи также побѣждены: она ссылается на гнѣвъ Діаны, которой хотеть обречь себя; не такова твоя красота, чтобы служить ей, говорить ей Тезей; еслибъ она гнѣвалась на тебя, пострадала бы ты, а не другіе.

И вотъ печаль смѣнилась весельемъ, всѣ принарядились, вмѣстѣ съ другими и Емилія, хотя пока — по принужденію. Арчиту забыли—и, готовясь къ описанію брачнаго торжества, поэтъ даетъ намъ²) портретъ Емиліи; она одѣта въ зеленый цвѣтъ³), кажется всѣмъ Венерой, Менелаю прекраснѣе его Елены. Въ храмѣ Венеры обручился съ ней Палемонъ и, по обычаяу, попѣловалъ ее. Свадьба отпразднована музыкой и пляской и военными играми; на другой день молодой посыпаетъ богатые дары въ храмъ богини, и греческіе цари пристаютъ къ нему съ шутливыми разспросами, хорошо-ли провелъ онъ ночь.

Разъѣздомъ гостей кончается поэма, за которую авторъ ждетъ себѣ вѣница⁴). Слѣдуютъ два сонета: одинъ поэта къ му-

1) XII, 18.

2) XII, 53 слѣд.

3) XII, 65.

4) XII, 84 слѣд.

замъ; онъ подобралъ вѣсколько крохъ, упавшихъ съ ихъ трапезы и, какъ съумѣлъ, связалъ ихъ; пусть понесутъ его трудъ дамѣ, въ которой пребываетъ все его блаженство, хотя, быть можетъ, она о томъ и не думаетъ, съ нею вмѣстѣ пусть дадутъ онѣ название поэмѣ и пустятъ въ ходъ¹⁾, если она обратить на нее вниманіе.—Музы отвѣчаютъ сонетомъ: онѣ исполнили порученіе своего дорогого питомца; а твоя дама, болѣе—твоя, чѣмъ Емилія была для Арчиты и Палемона²⁾), прочтя обѣ ихъ любви и поразмысливъ, сказала про себя: Какова была въ нихъ сила Амура! И сама возгорѣвшись любовнымъ пламенемъ, она попросила насъ, чтобы прекрасно написанный разсказъ о подвигахъ и красотѣ не оставался безизвѣстнымъ, и назвала его, по дѣламъ Тезея и устроенному имъ браку, Тезеидой, а мы распространимъ повсюду его громкую славу³⁾.

Изъ посвятительного письма къ поэмѣ мы узнаемъ, что эта дама была Фьямметта. Къ немногимъ извлеченіямъ изъ письма, сообщеннымъ выше⁴⁾), мы присоединимъ вѣсколько новыхъ. Хотя воспоминанія о бывшемъ счастьѣ и печалить меня въ томъ удрученномъ состояніи, въ какомъ я теперь обрѣтаюсь⁵⁾, тѣмъ не менѣе мнѣ приятно припомнить, о жестокая красавица, твой прелестный образъ, подчинившій меня, еще юнаго годами и разумомъ, и противъ моего намѣренія⁶⁾, тебѣ и Амуру. Когда я созерцаю этотъ образъ духовными очами, я какъ бы забываю свои невзгоды, какая-то тайная сладость разливается по сердцу, и я говорю себѣ смиренno: это она, Фьямметта, чьи глаза впервые зажгли мои, удовлетворивъ своимъ мановеніемъ большей части моихъ страстныхъ желаній! Это утѣшаетъ меня, ибо я мысленно переношуясь къ той порѣ, когда я былъ въ самомъ дѣлѣ

1) Il nome date e'l canto—E'l corso.

2) La piu tua donna, ch'essa di coloro.

3) Fama immensa.

4) См. выше стр. 156—7.

5) См. Inf. V, 121: Nessun maggior dolore.

6) Più possente che'l mio proponimento.

счастливъ; воображеніе подсказываетъ мнѣ послѣднія цѣли бла-
женства, и не будь заботъ, которыми окружила меня моя несчаст-
ная судьба, я бы, кажется, умеръ. Такъ я постоянно переношуясь
ко времени, продолжительному, но представляющему мнѣ едва
бывшимъ; въ какое это приводить меня состояніе, про то знаетъ
Амуръ, не покидающій меня, хотя ты несправедливо смѣнила
привѣтъ на негодованіе. Но ни невзгоды, ни твой гнѣвный видъ
не въ состояніи потушить во мнѣ пламени, которое поддерживается
вѣчно юной¹) надеждой. Я по прежнему твой, этого ты у меня
не отнимешь; знаю, что смиренное служеніе побѣждаетъ всякую
строптивость и бываетъ вознаграждено; не знаю, оправдается ли
это надо мною, но я всегда буду твоимъ покорнымъ служите-
лемъ.— Такъ говорить поэтъ и хотеть доказать это дѣломъ: въ
счастливые, но короткіе дни, которые онъ вспоминаетъ, Фьямметта
любила слышать или читать разсказы, особенно любовные, ибо и
она пылала тогда, какъ пылаетъ онъ; можетъ быть, она дѣлала
то, съ цѣлью, дабы досугъ не увлекъ ее къ болѣе докучнымъ
мыслямъ²). Когда-то она превозносила его стихи³), теперь,
оторвавшись отъ другихъ заботъ, онъ пишетъ для нея поэму,
въ которой пересказалъ, по итальянски и въ стихахъ, древнюю
исторію, о которой мало кто слышалъ. Пересказалъ для нея, по-
тому что подъ именемъ одного изъ влюбленныхъ и Емиліи гово-
рится о многомъ, что было между Фьямметтой и имъ; она разгадаетъ,
что именно, отдѣливъ лишнее, и узнаетъ, какова была его жизнь,
съ тѣхъ поръ, какъ она его отвергла. Еще по другому признаку
она догадается, что поэма написана для нея: онъ не стѣснялся
выборомъ разсказовъ, стилемъ, аллюзіями⁴); обыкновенные жен-
щины не понимаютъ этого и не любятъ; но она стоитъ выше
толпы. — Пересказалъ вкратцѣ содержаніе поэмы, авторъ про-
сить Фьямметту вникнуть въ нее, преложить гнѣвъ на милость,

1) Verdissima.

2) Nocevoli.

3) Con sommo titolo.

4) Chiuso parlare.

и если тому не бывать, пусть по крайней мѣрѣ удержитъ у себя его книгу: это будетъ ему утѣшениемъ; самъ онъ не осмѣливается явиться, пусть хоть какая-нибудь его вещь будетъ въ ея нѣжныхъ ручкахъ. Онъ попросилъ бы и большаго, но боясь отказа въ меньшемъ, умолкаетъ, умоляя Амура возжечь въ Фьяиметтѣ угасшее пламя и вернуть ее ему, у котораго отняла ее какая-то злая доля.

Мы снова на почвѣ автобіографическихъ воспоминаній: Боккачью былъ счастливъ и отринутъ, не смѣеть явиться на глаза къ милой и—надѣется. Старые-ли это мотивы или испытанные вновь, страстные — или пережитые въ болѣе спокойномъ обобщеніи художника? О силѣ воображенія говорилось въ любовныхъ бесѣдахъ Фьяиметты¹⁾, Боккачью она увлекаетъ такъ страстно, что онъ боится умереть. Подъ именемъ одного изъ влюбленныхъ героевъ поэмы скрывается онъ самъ; судя по исходу его надо искать въ Арчитѣ. На немъ и на Палемонѣ лежить одинаково сантиментальный колоритъ, но онъ свойственъ всей поэмѣ; Тезей—*pius Aeneas*, онъ также *rio*, благодушный *властитель*²⁾, щадящій кровь своихъ людей (теперь не то время), вспоминающій, что и онъ когда-то любилъ; *amat ut Theseus*, говорится въ *Poetria nova* Гальфрида de Vinesauf³⁾; образъ былъ не новъ. Не смотря на единство окраски между Палемономъ и Арчитой есть разница, намѣченная Боккачью: Арчита болѣе рефлексивъ, онъ любить — и колеблется между вопросами любви и дружбы, сторонится отъ крайнихъ решений, желая бы любить сообща и произносить длинныя рѣчи; въ вопросѣ любви обращается къ помощи Марса. Палемонъ менѣе разсуждаетъ, ровнѣе страстенъ, онъ и не желаетъ побѣды, лишь-бы Емилія ему досталась, и его мольбы обращены къ Венерѣ. Арчита напоминаетъ рефлексію Троила; на сколько здѣсь автобіографическихъ чертъ — мы не

1) *Filocolo*, вопросъ XI, см. выше стр. 166.

2) *Thebaid*. XII, 544—5 о Тезей: *benigno ore*; 795: *magnanimus*.

3) Leyser, *Historia poetar. et poemat. medii aevi*, стр. 963.

знаемъ. Въ изображеніи Емиліи есть много общаго съ знакомыимъ намъ портретомъ Фьямметты; она даже одѣта въ зеленый цвѣтъ, какъ Фьямметта и — Dame Oyseuse въ Roman de la Rose¹⁾; дѣйствительность теряется въ типѣ и подражаніи. Емилія любитъ, потому что любима; это дѣственная Гризенда.— Отмѣтимъ и еще одинъ, можетъ быть, біографическій намекъ: въ концѣ VII дня Декамерона Фьямметта и Діонео-Боккаччо поютъ объ Арчтѣ и Палемонѣ.

II.

Какъ эпическая поэма о «дѣлахъ Марса, Тезенда не достигла своей цѣли, но она представляетъ значительный прогрессъ на пути, начертанномъ въ Филоколо: въ поэтическомъ сплоченіи античнаго и средневѣковаго въ образахъ и декорациі, въ поднятомъ тонѣ жизни. Удалите «дѣла Марса», задачи эпоса, къ которымъ Боккаччо былъ неспособенъ, и мы придемъ къ замыслу прелестной идиліи, античной и вмѣстѣ съ тѣмъ отдающей реализмомъ итальянской деревни. Нигдѣ, быть можетъ, Боккаччо не былъ такимъ поэтомъ, какъ въ своемъ Ninfale Fiesolano, нигдѣ поэзія дѣйствительности не сливалась у него такъ тѣсно съ поэзіей классическихъ мотивовъ. Въ числѣ юношескихъ сонетовъ Боккаччо есть одинъ, гдѣ на Фьямметту, рѣзвившуюся, на берегу, заглядѣлись — морскіе боги: «Уже въ созвѣздіи Рака рдѣло солнце; седьмой былъ часъ; дулъ мягкий вѣтерокъ, чудесная стояла погода, море было тихо — когда на берегу, куда еще не заглянуло солнце, я узрѣлъ ту, чтѣ возлюбило небо. Она рѣзвилась съ другими дамами, золотистый вуаль такъ облегалъ ея головку, что ни одинъ волосокъ не выходилъ изъ чудесной связи. Нептунъ и Главкъ и Форкъ, великая Фемида любовались на нее изъ волнъ, такъ радостно, словно говорили: Юпитеръ, иного счастья намъ не надо! Я же любовно устремилъ на нее глаза, стоя на

1) Сл. выше стр. 112.

скалъ, и такъ ошеломлены были мои чувства, что, казалось, я и скала были — одно и тоже»¹). — Таково впечатлѣніе *Ninfale*.

Сюжетъ напоминаетъ мотивы Овидіевыхъ Метаморфозъ, уже навѣявшихъ автору нѣсколько эпизодовъ его *Филоколо*; у *Партенія*²) и *Павзанія*³) есть разсказъ о Дафинѣ, поклоннице Діаны, которой Левкиппъ пытался овладѣть, переодѣвшись дѣвушкой; есть и мотивъ купанья, хотя съ иной развязкою, чѣмъ у Боккаччо⁴). Но именно для опѣнки *Ninfale* вопросъ о сюжетѣ и его источникахъ является не существеннымъ: нимфу, нарушившую свой обѣтъ, юношу, посягнувшаго на дѣвственность нимфы, наказанныхъ превращенiemъ въ источникъ или рѣчку Боккаччо не разъ встрѣчалъ въ своихъ классическихъ чтеніяхъ, легенда, въ родѣ Партеніевой, могла дойти до него въ разсказѣ, либо въ какой-нибудь средне-латинской обработкѣ; эти легенды онъ и затѣялъ перенести въ окрестности Фьезоле и Флоренціи, въ сосѣдство съ небольшимъ дворомъ, который былъ у него въ округѣ (popolo) Маjanо: потоки Аффрико и Мензола, текущіе съ холма Фьезоле, Муньюоне, смѣшивающій свои волны съ водами Арно — все это метаморфозы влюбленныхъ. Это было давно, когда люди еще не знали употребленія хлѣба и вина, нимфы не вступали съ смертными въ брачные союзы, люди молились ложнымъ богамъ, полагая, что и въ небѣ они такъ же милостивы и прекрасны, какъ казались здѣсь⁵); боги общались съ людьми запросто, наставляя, помогая и карая. Къ этому миру боговъ Боккаччо относится съ такой-же свободой поэтической ироніи, какъ Аріосто къ идеаламъ рыцарства. «Царствовала въ то время богиня, которая звалась Діаной»⁶); многія женщины служили ей, особенно тѣ, которымъ желали соблюсти дѣвственность и избѣжать сладострастія; а

1) Сон. XXXI.

2) *De amatoriis affectibus* XV.

3) VIII, 20.

4) *Geneal. Deorum.* IV, 67; III, 21.

5) I, 6.

6) I, 7.

иныхъ дѣвушекъ ей посвящали отцы и матери въ исполненіе обѣта, или въ благодарность за оказанныя щедроты; посвященные облекались въ особыя одежды, какъ монахини¹⁾). Богиня принимала ихъ съ распостертыми объятіями; звали ихъ тогда вифами. Когда она являлась посѣтить тѣхъ, что жили на холмахъ Фьеозле, собирала ихъ у источника, подъ сѣнью зеленыхъ вѣтвей, а зимой у комелька²⁾), поучала блюсти цѣломудріе, порой рассказывала о своихъ охотахъ, и удаляясь, передавала свою власть намѣстницѣ. Точно аббатисса въ эпархіальныхъ разѣздахъ; у ней неѣть даже божественной прозорливости: о проступкѣ Мензолы она догадывается по крику ребенка, и уже наказавъ бѣдную нимфу, ощущаетъ къ ней жалость, когда ей рассказали, что она уступила насилию. Это, разумѣется, лишь отчасти оправдываетъ Мензолу, потому что впослѣдствіи она дѣйствительно полюбила своего соблазнителя, но Діана не пользуется этимъ мотивомъ обвиненія, потому что, въ сущности, для дѣйствія она не нужна, какъ не нужна и Венера: всесильная богиня любви, она обѣщаетъ Аффрико свою помощь и совѣтуетъ ему прибѣгнуть—къ приему новеллы: преодѣванію. Отмѣтимъ кстати представленіе Венеры, навѣянное христіанской иконографіей: Амуръ у ней на рукахъ³⁾). Боги и нимфы положительно опростились, но они даютъ золотой, античный фонъ дали, въ которой разыгрывается трагическая идилія любви. Это не ідилія Амето, искусственно поставленная въ лунномъ освѣщеніи аллегоріи, а обыкновенная исторія деревенской любви, не идеальной, но юношески-здоровой, внезапно овладѣвшей всѣмъ существомъ въ майское утро, когда цвѣтутъ луга и поютъ соловьи⁴⁾, и также быстро прерванной разлукой и смертью. Боккаччо знаетъ эту поэзію смерти, посѣщающей молодые всходы любви; на нихъ остается вѣчная печать лиющей весны, которую сожгло бы лѣто, унесла

1) VI, 10.

2) I, 14.

3) I, 48; III, 49.

4) I, 18.

бы житейская осень; это тема Ромео и Джульетты; такова любовь Анджелы и Габрютто, Симоны и Пасквино въ Декамеронѣ¹⁾, Мензолы и Аффрико въ Ninfale Fiesolano. Всего три встречи; Аффрико пораженъ съ первого раза, съ начала и до конца онъ остается подъ обаяніемъ одной и той-же страсти; Мензола сначала бѣжитъ отъ него, но когда, метнувъ въ него копьеъ, она, внезапно почувствовавъ жалость, обернулась съ крикомъ: Поберегись!²⁾, она уже отчасти сдалась. Аффрико овладѣваетъ ею насилино, но уже послѣ первого и единственного страстнаго объясненія она любить его; правда, Амуръ поразилъ ее въ сердце³⁾, но это вмѣшательство посторонней силы не мѣшаетъ естественному росту чувства. Оно растетъ въ отдаленіи отъ Аффрико: нѣсколько разъ Мензола порывается къ нему на встречу, но ее удерживаетъ боязнь Дианы. Эту любовь она переноситъ на своего ребенка; нигдѣ впослѣдствіи Боккачъо не изображалъ наивное зарожденіе материнской любви, и мы не встрѣтимъ у него болѣе благодушныхъ, поэтическихъ стариковъ, чѣмъ отецъ и мать Аффрико, дрожащихъ надъ сыномъ, понимающихъ, что онъ что-то скрываетъ отъ нихъ, и позволяющихъ себя обманывать. Боккачъо былъ чутокъ и къ такимъ отгѣнкамъ чувства, которыя не нашли отзыва въ новеллахъ Декамерона.

Все это разсказано въ октавахъ, небрежныхъ, какъ проза, съ простодушными обращеніями къ читателямъ⁴⁾, возвращеніями назадъ⁵⁾ и кое-гдѣ съ наивными оборотами народной пѣсни и ея лирическими повтореніями⁶⁾.

Въ майское утро Диана собрала своихъ нимфъ у источника, что теперь зовется fonte Aqueli, у подошвы горы Чечеро⁷⁾;

1) IV, 6, 7.

2) II, 89.

3) V, 95.

4) I, 40.

5) I, 30.

6) I, 2, II, 82, 70, VII, 48.

7) I, 19.

одна изъ нимфъ затрубила въ рогъ, призываю ко вниманію, и Діана держитъ рѣчъ: она увѣщаєтъ ихъ строго блюсти ея завѣты и на время своего отсутствія назначаетъ наибольшей нимфе Альфинею. — Всего этого былъ случайнымъ свидѣтелемъ юноша Аффрико, жившій недалеко оттуда съ отцемъ и матерью; притаившись въ чащѣ, онъ наблюдалъ за нимфами; красота одной поразила его въ сердце: какъ бы счастливъ онъ былъ, еслибы она досталась ему въ жены! Еслибы не боязнь Діаны, онъ взялъ бы ее силой. Между тѣмъ солнце попшло на закатъ и нимфы стали съ пѣснями взбираться на холмъ; Пойдемъ, Мензола! кликнула одна изъ нихъ; такъ онъ узналъ имя своей милой. Какъ разыскать ее, какъ дать ей знать, что онъ, котораго она не видѣла, по ней страдаетъ? Онъ садится на мѣстѣ, гдѣ, видѣль, сидѣла Мензола, уткнулся лицомъ въ траву, цѣлуетъ ее. Вѣдь она ненавидѣть мужчинъ и убѣжалъ бы, еслибы я показался, думаетъ онъ, и вмѣсть чувствуетъ, что таинъ свою любовь ему было-бы еще тяжеле. Солнце зашло, вызвѣздило небо, и онъ идетъ домой, желая, чтобъ уже настало утро. Его домъ лежалъ въ долинѣ, можетъ быть въ четверти мили отъ источника, или и менѣе; не думайте, только, чтобы въ то время были дома и дворцы, какіе теперь: люди довольствовались хатой изъ дерева и камня, сложенного безъ извести, а иные мазанкой изъ земли и тростника. Не перекинувшись словомъ съ отцомъ и матерью, Аффрико бросился на постель и проводить безсонную ночь.

Прошло около мѣсяца, а Аффрико еще не удалось увидѣть Мензолы, когда однажды ночью ему предстала въ сновидѣніи лучезарная жена съ мальчикомъ на рукахъ. Это Венера, она упрекаетъ Аффрико въ малодушіи, косности: прибодрись, отправься на поиски и ты найдешь Мензолу; Діана далеко, ея нечего бояться. — Она обѣщаетъ ему свою помошь: по ея приказанію мальчикъ Амуръ натянулъ свой лукъ съ такою силой, что сошлись оба его конца, и когда Аффрико проснулся, невольно хватился за мѣсто, гдѣ, казалось, была рана. Сцена у источника живо представилась ему во всей ея прелести, обновились жела-

ния и, ободрённый словами богини, онъ выходитъ изъ дому съ разсвѣтомъ: посидѣлъ и повздыхалъ у источника, затѣмъ пустился въ горы, настороживъ уши и держа на-готовѣ ноги, чтобы тот-часъ-же броситься въ догонку; зашелестѣ-ли листокъ, ему кажется, что это Мензола. Проплутавъ даромъ, онъ рѣшился пойти въ другую сторону: спустился въ долину и не прошелъ полу-мили, какъ на одной лужайкѣ, притавившейся среди двухъ горъ, услышалъ пѣніе. Дай-то Богъ, чтобы это была она! восклицаетъ онъ, стагъ на колѣни и крестомъ сложилъ руки на груди, въ мольбѣ къ Юпитеру¹); затѣмъ пошелъ по направленію къ пѣснѣ, молча, дѣлая длинные, рѣдкіе и легкіе шаги, точно человѣкъ, готовящійся словить кузнецика²). Видѣть трехъ нимфъ, онъ поютъ, а имъ подпѣваютъ птички; двѣ изъ нихъ сидѣли у ручья и мыли ноги, третья, стоя, срывала вѣтки и плела вѣнокъ, который возложила на свои блѣлокурые, вьющіеся волосы, а два другихъ надѣла на распущенныя нечесанные локоны подругъ. Между ними вѣтъ Мензолы; Аффрико клянетъ свою долю; что ему дѣлать? Онъ рѣшается подойти къ нимфамъ: Не пугайтесь, не бѣгите, дорогія сестрицы! говорить онъ тихимъ, молящимъ голосомъ, вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ я ищу одну изъ вашего сонма; скажите мнѣ, гдѣ Мензола? Какъ услышали онъ его, пустились бѣжать съ криками, точно овцы отъ волка или куры, на которыхъ напала лиса, побросавъ оружіе и подобравъ полы, что обнаружило ихъ прелестныя икры. Аффрико за ними: Подождите, послушайте, кричить онъ, гонясь за ними, но ихъ и слѣдъ простишь. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ наступилъ вечеръ; уже луна выглянула на лазурномъ небѣ, когда онъ вернулся домой, гдѣ отецъ началъ беспокоиться, не сѣѣли-ли его дикие звѣри, не повстрѣчался-ли онъ съ Діаной, враждебной его роду. Гдѣ былъ ты, дорогой мой, свѣжій ты мой цвѣтокъ? голубить его мать, мы по тебѣ намаялись.—Ты такъ день денской ничего и не ъль?

1) I, 56.

2) I, 57.

спрашиваетъ его отецъ. Африко задумался, что ему отвѣтить, но Амуръ, изощряющій умы дѣйствительно влюбленныхъ, подсказалъ ему басни; онъ отвѣчаетъ аллегоріей, но прозрачной аллегоріей народной пѣсни, съ образами лани-дѣвушки¹⁾ и преслѣдующаго ее влюбленнаго охотника. Охотникъ — Африко; нѣсколько дней тому назадъ онъ будто-бы видѣлъ въ горахъ лань, да такую красавицу, что навѣрно Господь сотворилъ ее собственными руками: походка легкая, какъ у журавля, цвѣтомъ она болѣе снѣга. Она такъ ему приглянулась, что онъ погнался за нею, но не догналъ; и вотъ въ это утро онъ снова рѣшился попытать счастья, долго бродилъ, когда замѣтилъ и услышалъ шелестъ свѣжей дубовой листвы: то паслись на лугу три лани; ему захотѣлось поймать одну изъ нихъ, и онъ осторожно направился къ нимъ, съ пучкомъ травы въ рукахъ, въ видѣ приманки; но лишь только онъ завидѣли его, пустились бѣжать; время и ушло въ погонѣ за ними.

Джирафоне (такъ звали отца), человѣкъ бывалый, отлично понимаетъ, что такое тѣ прелестныя лани, но, не желая смутить сына, представляется, что повѣрилъ ему; между тѣмъ надо-же предупредить его, отвлечь отъ возможной опасности. Берегись ты этихъ ланей, говорить онъ ему, повѣрь мнѣ, онъ принадлежать Діанѣ, и коли она замѣтитъ, что ты ихъ высѣживашь, поразить тебя стрѣлою, обратить въ рѣку, птицу или дерево. Со многими она такъ учинила, извела двухъ твоихъ братьевъ, моего отца Муньоне. И онъ разсказываетъ сыну, чтосталось съ его отцемъ, и что—приключится съ самимъ Африко; его дѣда звали Муньоне; однажды, преслѣдуя одну нимфу, онъ настигъ ее на берегу рѣки и овладѣлъ ею, изнеможенною; увидѣла это Діана и поразила обоихъ одною стрѣлою; тѣло Муньоне поконится въ рѣкѣ, на которую перешло его имя, нимфа обратилась въ источникъ у берега.

Такъ разсказывалъ, со слезами на глазахъ, старикъ Джи-

1) Сл. Декамеронъ IV, 6.

раффоне, а сынъ слушалъ внимательно, но хотя его и пробиралъ страхъ, онъ остался при своей думѣ. Не бойся, говорить онъ отцу, я за ними гоняться не стану, а теперь пойдемъ отдохнуть, я сегодня усталь, ходя по горамъ.

Только что разсвѣло, какъ онъ снова пошелъ въ горы, и такъ устроилъ Амуръ, что Мензола показалась ему на разстояніи выстрѣла изъ лука. Она увидѣла его раньше и бросилась бѣжать; это навѣрно Мензола, говорить онъ себѣ, гонится за нею, называетъ по имени, молитъ: Подожди меня, не вражда, а любовь заставляютъ меня искать тебя, я не соколь, что гонится за куропаткою, не жадный волкъ, бросающійся на бѣдную овечку; ты моя надежда, моя желанная; что непріятно тебѣ, было бы непріятно и мнѣ. Клянусь богами, я возьму тебя въ жены, стану любить тебя; не желай моей смерти. «Если ты убѣжишь, ты жесточе медвѣдицы, ходящей съ медвѣжатами, горче желчи, тверже мрамора; коли дождешься меня — ты слаще меда или винограда, источающаго сладкое вино, прекраснѣе и ярче солнца, нѣжная, бѣлая, милая какъ ангелъ»¹⁾. Но Мензола бѣжитъ, и любовь Аффрико находить мотивы самоотверженія: онъ молить боговъ уравнять путь подъ ея прелестными ножками, обративъ въ мураву и луга — горы, деревья и тернія; я же останусь одинъ съ своей недолей и умру.

Между тѣмъ Мензола ичалась, заткнувъ полы за поясъ и показывая поверхъ обуви колѣна и икры, въ которыхъ можно было бы влюбиться. Отбѣжавъ нѣсколько, она обернулась съ свирѣпымъ видомъ, боязнь придала ей храбрости, и она такъ метнула копье въ Аффрико, что положила бы его на мѣстѣ, еслибъ не промахнулась: копье попало въ дубъ и прошло его насквозь. Метнула и тотчасъ-же спохватилась, лишь только ея взглядъ упалъ на красиваго юношу: Поберегись, кричать она ему, поберегись, теперь я уже не въ силахъ помочь тебѣ! И она рада, что все такъ случилось, ибо Амуръ смягчилъ ее сердце.—

1) II, 82.

Когда Аффрико увидѣлъ, что Мензола бросила въ него копьемъ, нѣсколько смущился, но ея крикъ и жалостливые глаза, которыя она на него устремила, вновь возбудили его желаніе; такъ разгорается отъ вѣтра искорка, притаившаяся въ потухшой головнѣ. И онъ снова пускается преслѣдоватъ удалявшуюся нимфу: вотъ она на горѣ, спустилась по ту сторону, онъ не видитъ ее болѣе, и бѣгаетъ туда и сюда, какъ охотникъ, у которого снялась птица, и онъ ищетъ ее, поднявъ голову, растерянно и суетливо. Мензолы не найти въ лѣсу; пойти ему домой или искать? Солнце уже склонялось, Аффрико приходятъ на мысль разсказы отца, Амуръ подсказываетъ съ другой стороны: Какое мнѣ дѣло до Діаны, лишь-бы разъ добиться своего! Такъ колебался Аффрико пока не рѣшилъ вернуться, чтобы не опечалить отца; идеть и все оглядывается: не видать-ли Мензолы. Придя домой онъ бросается на постельничкомъ; его вздохи привлекаютъ мать. Что съ тобою сынокъ? говоритъ она, обнимая его; что у тебя болитъ, дай я полечу. Подними-же голову, дорогой мой, скажи нѣсколько словъ: вѣдь я твоя мать, вскорила тебя молокомъ, девять мѣсяцевъ носила. — Непріятно было Аффрико, что мать замѣтила его печаль; сегодня утромъ, возвращаясь, я упала и весь разбилъся, еще и теперь осталась боль въ боку, говоритъ онъ; если ты меня любишь, оставь теперь меня, говоритъ мнѣ—ядъ.—Мать выходитъ изъ комнаты, а Аффрико сѣтуетъ на свободѣ, взывая къ неподатливой красавицѣ, Венерѣ и смерти; онъ плачетъ — и вдругъ ему вспоминаются слова Мензолы, когда она предупредила его объ опасности, выраженіе ея глазъ — и къ его скорби примѣшивается надежда.

Между тѣмъ искусная мать, Алимена, набрала травъ, чтобы приготовить для сына ванну противъ той боли. Пришелъ-ли Аффрико? спрашиваетъ, вернувшись домой, Джираффоне. Мать разсказываетъ, что знаетъ: Оставь его въ покоѣ, пусть отдохнетъ, а тамъ мы сдѣляемъ ему хорошую ванну, она прогонитъ всякую немочь; теперь ему и говорить больно. — Но отецъ не вытерпѣлъ, пробрался въ комнату сына, прикрылъ его, спав-

шаго.—Онъ спить, говорить онъ, вернувшись, женѣ, жаль было будить его. — Разумѣется, отвѣчаетъ Алимена, не тревожь его болѣе.

Африко проснулся для новаго гореванья, но не желая, чтобы отецъ это замѣтилъ, оправился, отеръ слѣды слезъ и вышелъ къ отцу и матери. Какъ тебѣ можетъ спрашивать она его; Теперь какъ-будто ничего, отвѣчаетъ онъ, боль прошла сномъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось взять ванну. Не умѣешь ты лѣчить, о Джирафоне, отъ ванны не пройдетъ сердечная рана!

Такъ миновалъ второй, третій и четвертый день, Африко отбился отъ дѣла, исхудалъ, старается быть одинъ, чтобы свободнѣе предаваться печали. Скажи, что съ тобою? пытаются его отецъ и мать, мы сдѣлаемъ все, что можно, лишь бы тебѣ было легче. Африко отговаривается, что у него болитъ голова или что-то другое, и всякий разъ его лѣчить не отъ того недуга, отъ котораго бы слѣдовало.

Однажды онъ прибрелъ съ своимъ стадомъ къ прелестному источнику, сѣль и призадумался, опустивъ голову на руку, опирая локоть на колѣно. Вода отразила его блѣдное, измѣнившееся лицо, и его разобрала жалость къ самому себѣ. Кругомъ его рѣзвится стадо, поютъ птицы; счастливы звѣри, имъ нѣтъ запрета любить, а я печалюсь день и ночь! Онъ плачетъ, ведя бесѣду съ своимъ собственнымъ отраженiemъ въ водѣ. Но вѣдь Венера подала ему надежду; ужъ не забыла ли она о немъ? Онъ хочетъ напомнить ей о себѣ: развелъ костеръ, закололъ овцу, кровью которой оросилъ огонь; затѣмъ, раздѣливъ ее на двѣ части, возложилъ на костеръ, одну часть во имя Мензолы, другую въ свое. Онъ молитъ богиню смягчить Мензолу, настолько по крайней мѣрѣ, чтобы его смерть, которой онъ чаетъ, не была ей въ радость, какъ ненавистна его жизнь. — Передъ нимъ совершается чудо: части овцы поднялись и срослись, овца постояла нѣкоторое время, и громко проблеявъ, снова упала въ огонь. Это видѣніе, напоминающее причудливую аллегорію Діаниной

Охоты¹⁾), ободрило Аффрико; повидимому, онъ не понялъ его вѣщаго смысла: онъ соединится съ Мензолой, какъ части жертвеннаго звѣря, но соединится — для смерти.

Довольный, онъ ведеть домой свое стадо, поужиналь со своими, ночью долго провозился въ постели, а подъ угрю ему привидѣлась Венера, съ сыномъ на рукахъ: она поможетъ ему, если онъ послѣдуетъ ея совѣту, пусть только нарядится нимфой и вмѣшается въ толпу другихъ. Коли встрѣтишь Мензолу, вступи съ нею въ бесѣду о вещахъ святыхъ и божественныхъ, и когда улучишь время, не зѣвай, ибо если она вырвется изъ рукъ, никакія улещанія потомъ не помогутъ; не бойся насилия, ибо Амуръ такъ овладѣетъ ею, что она не вырвется изъ его когтей.

Аффрико готовъ исполнить совѣтъ богини, надежда разожгла его желаніе. Онъ вспомнилъ, что у матери есть хорошее платье, которое она рѣдко надѣвала; выждавъ, когда никого не было дома, онъ досталъ платье и спряталъ его въ дальнемъ мѣстѣ, куда явился на другое утро. Должно быть, Венера помогла его переодѣванью: его не признать было за мужчину, съ колчаномъ на боку и лукомъ въ рукахъ онъ совсѣмъ походилъ на нимфу, и въ его блѣдности, нажитой горемъ, было что-то женственное. — Онъ идетъ въ горы, слышитъ крики: нѣсколько нимфъ кричатъ ему издали: Стой, подожди звѣря! То несся кабанъ, нѣсколько стрѣлъ торчали у него въ спинѣ; стрѣла Аффрико уложила его. Мензола хвалить ударъ, такого она еще не видала, а Аффрико счастливъ отъ ея близости, ея похвалы ему пріятны; онъ рѣшился-бы и на большее, еслибъ не боялся вооруженныхъ нимфъ. Всѣ разсуждаютъ, какой кто даль выстрѣль: Вотъ былъ бы подарокъ Діанѣ, еслибъ она была здѣсь! восклицаетъ Мензола. Затѣмъ принялись стрѣлять въ цѣль, и стрѣлы Мензолы и Аффрико оказываются ближе всѣхъ къ цѣли. Уже новая нимфа начинаетъ нравиться Мензолѣ, что скажетъ она, то поддержить

1) Сл. выше стр. 122.

другая; онъ сидять рядомъ за охотничимъ обѣдомъ: столомъ служить скала подъ лавровымъ деревомъ, кабанье мясо жарено безъ приправъ, хлѣбъ изъ каштановъ, другого еще не знали, вмѣсто вина вода, сваренная съ медомъ и какими-то травами. Послѣ обѣда нимфы расходятся съ пѣснями, Аффрико идетъ въ обществѣ Мензолы и трехъ нимфъ. Его сердце бьется; открыться или нѣтъ! думаетъ онъ про себя; вотъ если бы тѣ нимфы ушли, и мнѣ бы остаться одному! Если погодить, то такой случай можетъ и не представиться. — Онъ хочетъ дѣйствовать, и воздергивается, а пламя любви разгорается пуще, пока онъ колеблется между да и нѣтъ¹⁾.

Онъ подходитъ къ долинѣ, что лежала промежъ двухъ горъ, слышать журчаніе воды. Двѣ нимфы купаются въ озеркѣ; не раздѣться-ли и намъ? спрашиваются спутницы Аффрико; хочешь съ нами купаться? говоритъ Мензола. Онъ разсчиталъ, какъ ему поступить, и входить въ воду, раздѣвшись послѣднимъ. Какъ волкъ бросается на стадо овецъ и схватываетъ одну, тогда какъ другія бѣгутъ, пугливо блея, такъ побѣжали при видѣ мужчины нимфы, кое-какъ прикрываясь платьемъ, забывъ объ оружіи, тогда какъ Аффрико крѣпко обхватилъ Мензолу, цѣлуясь ей; она плачетъ, отбивается, но напрасно. Когда она поняла, что съ неюсталось, она приходитъ въ отчаяніе; Аффрико печалитъ ея слезы и вмѣстѣ разжигаютъ его страсть; онъ вырывается у нея изъ рукъ копье, которымъ она хотѣла заколоться, держитъ ее въ объятіяхъ, когда она упала безъ чувствъ, готовъ убить себя, полагая, что она скончалась. Но она вздохнула, и Аффрико принимается угѣшать ее: Не плачь, душа моя, ты въ объятіяхъ человѣка, который любить тебя болѣе всего на свѣтѣ; если я употребилъ противъ тебя насилие, тому виновникъ Амуръ, жалуйся на него — и онъ разсказываетъ, какъ онъ увлекся ею съ первого раза, какъ она бросила въ него копьемъ и закричала: Берегись! — Мензола слушаетъ эту повѣсть любви и сама под-

1) IV, 25.

дается ей. Она помнить эпизодъ съ копьемъ: Если ты тотъ самый, то я вѣдь тебя не знаю; съ тѣхъ поръ, какъ меня посвятили Діанѣ, я не видала мужчины, теперь же Діана изгонитъ меня изъ своего сонма, поразить меня, или я сама себя убью, избѣгая стыда. Я защищалась, тому свидѣтели деревья и звѣри; я умру, ты удовлетворенъ, и обо мнѣ не вспомнишь. — Африко продолжаетъ утѣшать ее, цѣлуясь, отираетъ рукой слезы: Ты создана въ раю, говоритъ онъ, приглаживая ея волосы: такихъ красивыхъ онъ не видалъ. «Да будетъ благословенъ годъ и мѣсяцъ и день и часъ и мгновеніе и время года, когда создано было это прелестное лицико и всѣ другіе члены, полные такого совершенства, что, обыскавъ весь свѣтъ и въ небѣ, среди богинь, не найти ни одной, которая сравнялась бы съ тобою»¹). — Сдѣланного не вернешь²), заключаетъ Африко, будь же умна, поцѣлуй меня крѣпко, какъ цѣлую я. — Амуръ уже опуталъ сердце Мензолы, печаль понемногу отлегла, а любовь, которую Мензола питала къ Африко-нимфѣ, разгорѣлась сильнѣе отъ его рѣчей. Она обняла его лѣвой рукой, но еще не рѣшается поцѣловаться: Бѣдная я, что будетъ со мною, если признается Діана! Мнѣ нельзя будетъ болѣе показаться среди нимфъ. Я знаю, что еслибъ я убила себя, моего грѣха отъ того бы не убыло; увѣрена, что сдѣланного тобою не могло не быть; не будь я въ этомъ убѣждена, я сама наложила бы на себя руки. Твои рѣчи отвлекли меня отъ моего жестокаго рѣшенія; но оставаться съ тобой, какъ ты говоришь, я никогда не соглашусь: тебя узнаютъ тѣ нимфы, которая тебя видѣли, либо догадаются о томъ, о чёмъ еще не знаютъ. Потому уйди, прошу тебя, оставь меня съ моямъ горемъ, я какъ нибудь погиблюсь съ нимъ.

Африко понялъ, что любовь уже посѣтила ея сердце, и она только стыдится, и онъ говоритъ про себя: Прежде, чѣмъ я уйду отсюда, ты еще запоешь у меня другую пѣсню! Да развѣ я могу

1) V, 9: см. Filostrato, III, 88.

2) V, 11.

уйти? спрашиваетъ онъ; безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизнь; еслиъ я и могъ уйти, какъ быть мнѣ спокойнымъ, когда ты въ такомъ горѣ? — Онъ предлагаетъ ей отправиться съ нимъ: его мать будетъ ей матерью; но на это Мензола рѣшительно не согласна: это значило бы обнаружить грѣхъ, коснѣть во злѣ. Пусть Аффрико пойдетъ, ради него ей мила теперь жизнь, она будетъ любить его и часто сюда являться: здѣсь онъ можетъ увидѣть ее, побѣсѣдовать съ нею—по чести. Она сдержитъ слово, ибо, говорить она, ты меня на половину связалъ и, мнѣ кажется, я тебя полюбила.

Аффрико пользуется этимъ объясненіемъ, чтобы попросить большаго. Мензола борется: Времени немного, насытъ могутъ застать, да и Діана накажетъ меня, если узнаетъ, что на то было мое согласіе. — Никогда не узнаетъ о томъ Діана, видѣть насытъ только Богъ¹⁾, убѣждаетъ Аффрико.—Нѣть такой башни, которая не пала бы отъ ударовъ, а Мензола была не стальная²⁾. Не знаю, что за судьба моя или такая у меня доля, что я не въ состояніи не исполнить твоего желанія, говоритъ она; я сдаюсь, у меня нѣть силъ противъ Амура.

День близился къ концу, и Аффрико надо итти; онъ клянеть темную ночь, которая ихъ разлучаетъ; Мензола стоитъ, смущенная, просить его удалиться—хотя это и противъ ея желанія; всякий шелестъ листа заставляетъ ее страшиться нимфъ. Она просить Аффрико сказать ей свое имя; прощаніе длится долго³⁾, такъ овладѣла ими любовь, что они едва не надрываются. Условившись о встрѣчѣ, они расходятся въ разныя стороны, долго еще оглядываясь и дѣлая другъ другу знаки.

Аффрико спѣшить къ мѣсту, гдѣ спряталъ свое платье, переодѣлся и идетъ домой, гдѣ отецъ и мать уже тревожились о немъ. Много понадобилось ему выдумокъ, чтобы не обнаружить

1) V, 36.

2) V, 89, 40; сл. Декамеронъ, VIII, 4.

3) V, 44, 45.

возбужденного состояния духа. Мысли о завтрашнемъ днѣ не даютъ ему уснуть.

А Мензола, возвращаясь къ себѣ, предается раздумью, мысль о проступкѣ, совершенномъ ею, не покидаетъ ее и, прійдя къ себѣ въ пещеру, она начинаетъ горевать. Какъ предстать ей передъ лицо Діаны, что подумали бы подруги, еслибы знали? Ей вспоминается судьба нимфы Каллисто, Муньоне и Чалы¹⁾, чудится, что сама она уже обращена въ рѣку, звѣря или дерево. Что сказали-бы отецъ и мать, братья и сестры, обязавшіе ее строго блюсти обѣты, которые возложили на нее вмѣстѣ съ священнымъ облаченiemъ²⁾? Они навѣрно убили бы ее, грѣховодницу.— Лишь подъ утро она заснула въ слезахъ.— Аффрико былъ уже на условленномъ мѣстѣ, поджидая ее, плететь вѣнки, одинъ себѣ, другой для ея блокурой головки, и часто поглядываетъ на рощу, не идетъ ли Мензола. Прошелъ уже третій часъ, солнце палитъ, и Аффрико дивится, почему это нѣтъ его милой, и какъ человѣкъ, желающій, чтобы что-нибудь совершилось, придумываетъ разныя объясненія. — Такъ Троилъ напрасно поджидалъ Гризелду. — Насталъ и вечеръ, Аффрико рѣшается пойти домой: быть можетъ, Мензола повстрѣчалась на пути съ подругами, онѣ ее и задержали. Онъ вернется завтра.

Между тѣмъ Мензола проснулась около девятаго часа, разбитая, измученная; разныя мысли бродятъ у нея въ головѣ, пугая; она не забыла своего обѣщанія Аффрико, но рѣшилась не ходить къ нему: она любить его, держить въ сердцѣ, но страхъ передъ Діаной превозмогъ. Такъ прошелъ и второй день и третій, и цѣлый мѣсяцъ; Аффрико все ходить на свиданіе въ урочное мѣсто, бродить по горамъ, не встрѣтить-ли Мензолы, но Фортуна, всегда непостоянная, уже взглянула на него завистливымъ окомъ. Онъ совсѣмъ опустился, обезсилаъ отъ горя, почти не говорить. Однажды, когда онъ пасъ свое стадо, ему захотѣ-

1) VI, 8.

2) VI, 10.

лось взглянуть на мѣсто, гдѣ Мензола отдалась ему, куда обѣщала вернуться. Онъ осматривается кругомъ: здѣсь они взяли другъ друга за руки, она поклялась прийти; здѣсь они разстались; но ея клятвы были лживы, онъ не ожидалъ такого предательства и не въ силахъ пережить своей тоски: склонившись надъ рѣчкой, онъ бросается на копье. Прощайте, отецъ и мать, говоритъ онъ, умирая, оставайтесь съ Богомъ, я иду въ мучительный адъ¹⁾), ты-же, рѣка, станешь носить мое имя и, окрашенная моею кровью, будешь свидѣтельствовать всякому, до чего довела меня любовь.

Та рѣчка раздѣлялась нѣсколько пониже, какъ и теперь, на два рукава, изъ которыхъ одинъ, что поменьше, протекалъ мимо дома Аффрико. Его отецъ былъ на берегу, багровый цвѣтъ воды подсказалъ его сердцу, что случилось. Онъ идетъ искать сына, не найдя его при стадѣ, поднимается вверхъ по берегу, откуда начиналась багровая струя. Какъ увидѣлъ тѣло Аффрико, едва устоялъ на ногахъ. Какой злодѣй убилъ тебя! плачется онъ; что скажетъ твоя бѣдная мать, что станемъ мы дѣлать безъ тебя, осиротѣлые! Видно погубила тебя безжалостная Діана! Что довело тебя до смерти? спрашивается онъ, признавъ копье сына. Вытащивъ тѣло изъ воды, онъ взвалилъ его на плечи и понесъ домой; здѣсь все рассказалъ женѣ, показалъ и копье, которое онъ извлекъ изъ раны. Какъ плакала и стонала мать, припавъ къ лицу сына, нечего и спрашивать; по тогдашнему обычаяу, тѣло его предали сожженію, среди сѣтованій и воплей, а пепель похоронили на берегу рѣки. Съ тѣхъ поръ она называлась и еще зовется Аффрико.

Но вернемся къ Мензолѣ. Ея печаль нѣсколько улеглась, и она стала выносить ее терпѣливѣе, стала показываться среди нимфъ, и тѣ повѣрили ея разсказу, что она, какъ и другія, ушла отъ представленія Аффрико. Она поминаетъ его и частенько вздыхаетъ о немъ втихомолку; охотясь съ подругами, ищетъ глазами мѣсто,

1) VI, 83.

гдѣ Аффрико былъ съ нею счастливъ. «Что ты дѣлаешь, не знаю, но навѣрно страдаешь по мнѣ; въ этомъ не моя вина, страхъ отнялъ у меня всякую смѣлость». И она охотно доставила бы ему удовольствіе, еслибы не Діана и ея нимфы.

Такъ она жила, пораженная и любовью и боязнью, когда слу-
чилось, чего, въ своей наивности, она не вѣдала. Она пополнѣла
въ бокахъ, ей неможется; она дивится, не находя тому причины;
не беременна ли она? Жила въ той мѣстности, въ дикой пещерѣ,
мудрая нимфа Синедеккія; ей было лѣтъ сто или болѣе, она вѣ-
дала многое и была искусна во врачебномъ дѣлѣ. Къ ней-то за
совѣтомъ пошла Мензола. Покачавъ головою, старуха сказала
съ гнѣвнымъ видомъ: Нечего скрываться, дочь моя, ты согрѣ-
шила съ мужчиной. Мензола покраснѣла отъ стыда, хотѣла было
представиться непонимающей, но видѣть, что отъ всевѣдущей
старухи ничего не утаишь, и она потупилась, молчать и плачетъ.
Старуха видѣть ея смущеніе и чистоту, и ей кажется, что дѣ-
вушка согрѣшила не по своей волѣ. Она ощутила къ ней жалость;
Неладно ты сдѣала, говорить она ей, но не надо такъ отчаяваться;
подумаемъ о средствахъ; скажи, какъ все было?—Мензола мол-
чать, прильнула къ груди Синедеккіи и тихо плачетъ. Когда
наконецъ она во всемъ призналась, старуха, пожуривъ ее и на-
ставивъ впредь быть осторожнѣе, говорить, что ей слѣдуетъ
дѣлать: пусть не выходитъ изъ своей пещеры, развѣ къ ней за
совѣтомъ, и платье носить пошире, безъ пояса, чтобы о грѣхѣ
не довѣдались; когда настанутъ роды, пусть призоветъ Луцину,
и она окажеть ей помощь; а о ребенкѣ позаботится она, Сине-
деккія.—И вотъ Мензола начинаетъ слѣдоватъ ея совѣтамъ;
дитя еще не успѣло родиться, а уже явилось новою связью между
ней и Аффрико: она чаще вспоминаетъ о немъ, сильнѣе его лю-
бить, раскаивается, что избѣгала его. Нѣсколько разъ ходила
она туда, гдѣ въ первый разъ съ нимъ спозналась, надѣясь его
встрѣтить и пойти съ нимъ въ его домъ. Одна идти она не рѣ-
шалась: бывало подойдетъ и назадъ. Не знала она, что изъ-за
нея онъ погубилъ себя.

Такъ благосклонна была къ ней судьба, что ни одна нимфа ни о чёмъ не догадалась, хотя всѣ и недоумѣвали, отчего она такъ похудѣла и не ходить на охоту. Когда снова явилась въ Фьезоле Діана, Мензола, по совѣту старой нимфы, не показывается ей; между тѣмъ наступило время родовъ: Луцина пришла къ ней на помощь, подняла съ земли новорожденаго и подала матери. Та счастлива, не можетъ налюбоваться мальчикомъ, тотчасъ же одѣла его, приложила къ груди, ласкаетъ, гладить по головкѣ; онъ такой красивый, кудрявый, глазами весь въ отца. Она не въ силахъ разстаться съ нимъ, отдать Синедеккіи; на этомъ избыткѣ материнской любви, пересилившей опасеніе, построена связка.

Діана, очень любившая Мензолу, спрашиваетъ о ней у ея подругъ; однѣ говорятъ, что давно ее не видѣли, другія, что ей нездоровится. Тогда богиня сама отправляется къ ней, соопутствующая тремя нимфами; Мензолы въ то время не было въ пещерѣ, она пошла къ рѣкѣ, гдѣ ея мальчикъ игралъ на солнцѣ. Ея еще не видать, но она уже увидѣла богиню, слышитъ, что ее зовутъ. Быстро спрятавъ ребенка въ кусты терновника¹⁾, она молча пустилась бѣжать промежъ дубовъ по направлению къ рѣкѣ. Видѣть это Діана, слышитъ громкій крикъ ребенка; Не бѣги, коли я не захочу, тебѣ не перейти рѣки, не избѣжать моихъ стрѣль, грозитъ она Мензолѣ, но та не слушается, уже вступила въ рѣку, когда Діана произнесла какія-то слова, и бѣдная нимфа слабѣеть, разлилась волною; съ тѣхъ поръ та рѣка зовется Мензолой; «я разсказала вамъ, откуда она взялась»²⁾.

Нимфы плачутъ отъ жалости, но Діана говоритъ, что Мензола того заслужила, и ведеть ихъ посмотреть на мальчика. Онъ ласкаютъ его, хотѣли бы пріютить у себя въ горахъ, но богиня велитъ отнести ее къ Синедеккіи, которой разсказываетъ, какъ Мензола забросила ребенка въ кусты съ цѣлью скрыть свой

1) Pruni, VII, 10.

2) VII, 18.

грѣхъ, и какъ она ее наказала. Старуха расплакалась: Никто, кроме меня, не зналъ объ ея проступкѣ, говорить она, не будь меня, она наложила бы на себя руки; къ тому же она была обманута. Какъ услышала это богиня, разжалобилась, но, въ примѣръ другимъ, сохраняетъ видимую супровость, а Сенедеккія проситъ у нея позволенія взять мальчика и отнести въ дальняя долины, гдѣ его воспитаютъ люди. Она слышала отъ Мензолы имя Аффрико; онъ, должно быть, живетъ гдѣ-нибудь по близости; и вотъ она идетъ въ долину, гдѣ дымилась хата, встрѣчаетъ Алимену: Я къ тебѣ по важному дѣлу; послушай-ка, въ какой печали родился этотъ ребенокъ. — Пока она разсказываетъ о любви Аффрико и Мензолы и ихъ судьбѣ, Алимена взглянула на ребенка: Боже мой, да вѣдь онъ совсѣмъ въ моего Аффрико! Она береть на руки внука, дѣлаетъ его, прослезилась отъ радости; тяжко мнѣ будетъ, дорогой ты мой, повести съ тобою рѣчь о томъ, какъ умеръ твой отецъ, приговариваетъ она, и сама разсказываетъ о томъ старухѣ. Обѣ горюютъ; тутъ подошелъ Джирафоне; узнавъ, въ чёмъ дѣло, расплакался отъ радости и горя, ласкаетъ ребенка, и тотъ улыбается ему, побуждаемый природой. Назвали его Прунео, потому что найденъ онъ былъ въ терновникѣ¹⁾), и выросъ онъ красивымъ молодцомъ, точно написали его кистью, ловкимъ и храбрымъ, всѣмъ въ отца.

Какъ разъ въ то время пришелъ въ Европу Атлантъ съ множествомъ народа²⁾; построилъ Фьеоле, нимфы, не успѣвшія удалиться, должны были повыходить за смертныхъ. Джирафоне сталъ наиболѣшимъ советникомъ Атланта, Прунео его сенешалемъ; Атлантъ женилъ его на Тироніи, дочери одного важнаго барона, и далъ ему въ собственность уголъ между рѣками Мензолой и Муньоне; построившись повыше церкви, что теперь въ

1) *Pruni*, VII, 83.

2) Gen. Deor. IV, 81 различаетъ трехъ Атлантовъ, изъ нихъ одинъ Athlas italicus, qui ut vulgo fertur (?), antiquissimus apud Fessulas impergavit, cuius quoniam parentes non comperi, non apposui. Сл. Com. sopra la Comm. I, стр. 842.

Маяно, Прунео могъ обозрѣвать оттуда свои владѣнія, которыя вывелъ изъ состоянія дикости. Потомки десяти его сыновей становятся гражданами Фьезоле, пока разгромъ города римлянами не заставилъ ихъ переселиться въ новую римскую колонію, Флоренцію. Здѣсь они освоились, переродились, и когда Тотила разрушилъ Флоренцію и пустыль кличъ, чтобы всеѣ шли жить въ обновленный имъ Фьезоле, потомки Аффрико предпочли выселиться въ свои волости. Они-то впослѣдствіи и обратились къ Карлу Великому и папѣ, умоляя ихъ вспомнить про забытое римское поселеніе. Императоръ вновь отстраиваетъ Флоренцію, и родъ Аффрико снова переселяется туда; и въ другихъ мѣстностяхъ отъ нихъ пошли именитые люди.

Боккачъ уже не разъ обращался къ легендарной исторіи Флоренціи и ея окрестностей¹⁾, которой завершаетъ свой разсказъ о судьбахъ Аффрико и Мензолы. Его могла интересовать и фабула, и характерная для него культурно-историческая точка зрењія: онъ любить представлять себѣ развитіе общественности изъ формъ дикаго быта, какъ развитіе человѣчности подъ вліяніемъ любви. У трубадуровъ и старыхъ итальянскихъ лириковъ, какъ теперь еще въ народныхъ повѣрьяхъ, «дикій человѣкъ» — символъ наивной простоты, соединенной съ непочатой мудростью; и у Боккачъ мы встрѣтили и еще встрѣтили эту точку зрењія, восхваленіе золотаго вѣка²⁾ и сельской простоты³⁾, соединенное съ пессимистической опѣнкой позднѣйшей культуры, но Филоколо еще смеется надъ беспомощностью автохтоновъ Чертальдо, онъ такой-же цивилизаторъ, какъ Прунео. — Все это не объясняетъ появленіе разсказа о немъ въ концѣ нашей поэмы: по отношенію къ содержанію цѣлаго это такой-же лишній привѣсокъ, какъ пятая книга Филоколо. Недочетъ-ли это композиціи, или авторъ желалъ разрѣшить веселой нотой свой поэтическій раз-

1) Filocolo, Ameto; см. выше стр. 244—5, 286—7.

2) См. разсказъ Адіона въ Амето, выше стр. 278—9.

3) Fiammetta, стр. 115 слѣд.

сказъ о любви и скорби? Такое именно непосредственно-свѣжее поэтическое впечатлѣніе производить его коротенькая поэма, не смотря на двѣ-три подробности наивно-реалистического характера (первое свиданіе съ Мензолой), которыя современный романистъ предпочел бы умолчать, либо, смотря по школѣ, представить въ полусвѣтѣ неясныхъ формъ и страстныхъ намековъ. Есть-ли въ этой грустной исторіи что-нибудь автобіографическое, хотя бы скрытое подъ пологомъ причудливыхъ стиховъ?¹). Мы невольно ищемъ этихъ отзвуковъ, ищемъ Фьямметты; такъ пріучили насть полуутковенія Филоколо, Амето и Любовнаго Видѣнія и посвященіе Тезанды. Отвѣтъ на это даютъ первыя и послѣднія октавы *Ninfale*. Поэта побуждаетъ говорить любовь, давно обитающая въ его сердцѣ, любовь къ красавицѣ, по которой онъ тоскуетъ день и ночь. Амуръ ведетъ моимъ перомъ, ему принадлежитъ честь этого произведения, ему, посланному моей дамой, въ сравненіи съ которой блѣднѣютъ достоинства всѣхъ другихъ; одного ей недостаетъ: немного жалости. Авторъ ставить себя подъ защиту всѣхъ любящихъ противъ зависти и злословія и людей, не понимающихъ любви, а дамы пусть умолять его горделивую красавицу не быть столь жестокой къ своему служителю²).— Тоже повторяется съ измѣненіями, въ заключительныхъ строфахъ поэмы³): Амуръ, которому подчинила его дама, повелѣлъ поэту сложить этотъ разсказъ, и онъ исполнилъ это, на сколько позво-лилъ талантъ, изощрившійся въ услугеніи ему. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хочетъ пожаловаться Амурѣ⁴), и эта жалоба обращается⁵) въ просьбу, чтобы его книга не попала въ руки невѣждъ и негодныхъ людей, не знающихъ, что такое Амуръ, и готовыхъ порицать всякое писаніе о немъ⁶). Пусть читаютъ его лишь тѣ,

1) Sotto il velame dei versi strani.

2) I, 1—4.

3) VII, 65—73.

4) VII, 66.

5) VII, 70.

6) Ogni tuo bel trattato.

душевно-благовоспитанные¹⁾), въ сердцахъ которыхъ онъ царитъ.—И Амуръ отвѣчаетъ поэту, какъ нимфы въ заключительныхъ сонетахъ Тезеиды: Добро пожаловать, покорный мой слуга, я принимаю мою книжку, ибо знаю, что она такова, какъ я желалъ; она будетъ храниться у меня вмѣстѣ съ другими повѣстями о моихъ великихъ дѣяніяхъ, и я уберегу ее отъ людей, никогда не послужившихъ мнѣ, не потому, чтобы я боялся ихъ нареканій, а дабы мое имя не упоминалось въ ихъ средѣ.

Боккаччо говорить о людяхъ, не понимающихъ любви и, вмѣстѣ, о завистникахъ и ненавистникахъ²⁾). О нихъ идетъ рѣчь въ концѣ Филоколо, еще рѣзче въ послѣдней молитвѣ Амето. Это, быть можетъ, проявленіе того литературнаго самосознанія, воспріимчиваго и обидчиваго, которое и позже заставляло Боккаччо, и не его лишь одного, говорить объ окружающей ихъ отовсюду *invidia*; или это отвѣтъ ригористамъ, отметникамъ Амура, порицавшимъ Боккаччо за его Декамеронъ и получившимъ извѣстную отповѣдь въ введеніи къ четвертому дню? Амуръ царить въ *Ninfale*, это — его книга; красавица, овладѣвшая поэтомъ во имя его, несомнѣнно, Фьямметта, но какъ блѣдно она выступаетъ, какъ мало страстности въ упоминанія ея! Торжествуетъ чувство любви, но любовь къ Фьямметтѣ перестала быть стономъ сердца и уже становится поэтическимъ мотивомъ, готовымъ для объективнаго анализа романа, которому она дала свое имя. Самъ Боккаччо говорить намъ о своемъ выходѣ изъ периода страстности, когда любовь оставила въ его сердцѣ лишь то наслажденіе, какое она обычно доставляетъ людямъ, не слишкомъ далеко пускающимся въ ея мрачныя волны³⁾.

1) *Animi gentili*, VII, 71.

2) *Invidiosi*.

3) Декамеронъ, Введеніе, пер. I, стр. 2.